

ВЕСТНИК

СВЯЩЕННОГО СИНОДА ПРАВОСЛАВНОЙ РОССИЙСКОЙ ЦЕРКВИ

Выходит один раз в месяц.

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

Москва, Самотека, Троицкое подворье,
редакция «Вестника Синода».

№ 8-9 (3-4)

1926 год.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА

за 10 №№ 6 руб.

за пять №№ 3 руб.

Цена отдельного №—75 коп.

Наложенным платежом журнал высылается
на сумму не менее 3 рублей.



СОДЕРЖАНИЕ №

Часть официальная.

1. Энциклика Вселенского Патриарха о времени празднования Пасхи.
2. Извещение о Вселенском Соборе.
3. Обращение Св. Синода по поводу Вселенского Собора.
4. Циркуляры Священного Синода.
5. Движения и перемены по службе.

Часть неофициальная.

Отдел церковно-общественный.

1. Что разделяет церковь? Профессора Б. В. Титлинова.
2. Борьба за мир в Церкви.
3. Переворот в тихоновщине.
4. Русская Церковь и Вселенский Собор—Профессора Б. В. Титлинова.
5. Впечатления иностранца от современной церковной Москвы—М. Д. Эрбинь.

6. Из жизни западного христианства—Митрополита Александра Введенского.
7. Русская церковь за границей.

Отдел научно-богословский.

8. Как понимать развитие догматов.—Профессора С. М. Зарина.
9. Правда ли, что нет Бога.—В. Турчанинова.

Отдел церковной беседы.

10. Смысл воскресения Христа.—Митрополита Александра Введенского.
11. Обновление Церкви.
12. Об участии мирян в церковном строительстве.—Епископа Тимофея.

Отдел провинциальный.

13. Миссионерское объединение в Брянске.—С мест.—Призыв к тамбовской пастве.—Отклики на Собор.

ОТ РЕДАКЦИИ.

Редакция просит подписчиков при обращении в редакцию за справками или с подпиской указывать номер подписки, за которым высылается журнал.

Подписчикам рекомендуется самим следить за подпиской, во избежание перерыва в высылке журнала.

При новой подписке необходимо указывать, с какого номера высылать журнал.

Присылайте корреспонденции о местной церковной работе.

От издательского отдела Священного Синода.

Издательский отдел принимает заказы на „Православный Календарь на 1926 год.“

Содержание Календаря: 1. Месяцеслов православный и старообрядческий. 2. Статьи о первом Вселенском Соборе. 3. Ст. проф. Глаголева: «Хронология и астрономия». 4. Полный сборник последних узаконений, касающихся церкви, под ред. проф. Гидулянова. 5. Разные заметки.

Цена 1 р. 20 к. за экз. При оптовых требованиях скидка.

Лица, подписавшиеся на **Апологетику Митрополита Александра**, в виду задержки на неопределенное время печатания ее, могут перевести подписку на «Вестник Священного Синода».

От Просветительного Отдела Священного Синода.

«Вестник Священного Синода» необходим каждому пастырю. **Выписывайте журнал!**

Богословские школы необходимы Церкви. **Собирайте пожертвования на нужды богословского образования!**

Если каждый верующий даст копейку в месяц—школы будут обеспечены. **Организуите временные богословские курсы!**

От ленинградского Богословского Института.

Институт извещает, что при Институте открыто общежитие. Помещение бесплатно.

Содержание за счет слушателей. Прием продолжается.

Адрес: Ленинград, улица Халтурина № 31, кв. 4

ЧАСТЬ ОФИЦИАЛЬНАЯ.

Энциклика вселенского патриарха Василия III
о праздновании пасхи.

Василий, Божией Милостью Архиепископ Константинополя, Нового Рима и Вселенский Патриарх.

Священным Патриаршим и Ставропигальным Монастырям Патриаршего Вселенского Престола Благодать и Мир во Христе Иисусе Господе Нашем.

Из прежних относящихся (к вопросу) окружных посланий известно и Вашему Преподобию, что, применительно к состоявшемуся приспособлению еортологии Церкви к новому календарю, преобразование Пасхалии и прочих подвижных праздников в отношении к этому календарю должно было произойти позднее, посредством надлежащего соглашения и решения Вселенской Церкви. Но так как до настоящего времени это не было достигнуто, то опять нашу Церковь занимает вопрос о праздновании Святой Пасхи, и ныне — гораздо серьезнее, вследствие возникающих от соблюдения действующей до настоящего времени Пасхалии, при праздновании предстоящей Св. Пасхи, ненормальностей относительно канонически установленной хронологической границы этого величайшего из христианских праздников и периода поста Святых Апостолов.

И в происшедшем исследовании вопроса хотя и было установлено, что празднование в наступающем 1926 году Святой Пасхи 4 апреля нового стиля, согласно уже законченной и выполненной научной работы, устраняет эти ненормальности, но, однако, с другой стороны, было признано нецелесообразным применение в праздновании предстоящей Святой Пасхи этой бесспорно правильной даты, как не согласующейся с изначальным установлением нашей Церкви о преобразовании Пасхалии по общему решению всех Святых Божиих Церквей и как угрожающей большим смятением в возможном непринятии этой даты от некоторой части родственных Церквей.

Посему, обсудив все это синодально и приняв во внимание, что с одной стороны, упомянутые выше ненормальности представляются менее серьезными, чем угрожающее разделение от неодновременного празднования первого и величайшего из праздников Святой нашей Веры, а с другой, — что на Вселенском Православном Соборе, имеющем состояться, при помощи Божией, в праздник Пятидесятницы наступающего года, — как было решено три года тому назад, — ожидается определенное и авторитетное разрешение и вопроса о Пасхалии, мы, имея в виду церковную любовь и мир более, чем научную точность и совершенство, решили и определили, чтобы по этим основаниям и в предстоящем 1926 году не касаться действующей ныне по Юлианскому календарю Пасхалии, и следовательно, предстоящая Святая Пасха имеет праздноваться 2-го мая, соответствующего 19-му апреля по Юлианскому календарю, как это и записано в действующей до этого времени Пасхалии.

По этому поводу Вам и сообщается Синодальное это решение и определение для сведения и соответствующего действия.

Благодать же Бога и беспредельная милость да будет с Вашим Преподобием.

1 декабря 1925 года.

Константинопольский (Патриарх) во Христе усердный молитвенник.

С подлинным верно:

Представитель Вселенского Патриарха в СССР
Архимандрит **Василий Димопуло**.

Извещение вселенского патриарха Василия III о созыве
вселенского собора в 1926 году.

Перевод с греческого языка.

Василий III, Божией Милостью Архиепископ Константинополя, Нового Рима и Вселенский Патриарх.

Высокопреподобнейший Архимандрит Кир Василий Димопуло, настоятель и заведующий нашим в Москве Патриаршим Подворьем Св. Сергия и представитель наш в СССР, возлюбленнейшее чадо нашей мерности. Благодать и мир Божий да будет с Вами.

Вследствие непреодолимых временных затруднений, обнаружилось невозможным в текущем (1925) году созывание Вселенского православного Собора в воспоминание тысячелетия первого Вселенского Никейского собора, — для обсуждения разных вопросов, как определен перечень их в программе прошлого года и как он был установлен нашею вселенской Великой Христовой Церковью, — о чем сообщено было Вашему Высокопреподобию за № протокола 4500 от 25 ноября 1924 года патриаршей нашей грамотой.

Так как вопросы ежедневно возрастают и вынуждают всю Церковь в совокупности к скорейшему их обсуждению, разрешению и определению, то мы с Священным Синодом предвидя, что дальнейшее отклонение их бесполезно, и, имея в виду всеобщее и единомысленно выраженное желание всех Православных Церквей, определили, чтобы Вселенский Собор был собран в 1926 г., и начал свою деятельность в самый день великого и славного праздника Пятидесятницы. В этот день — день рождения Православной Церкви; Собор и по времени настолько отстоит от настоящих дней, сколько времени потребуется для ознакомления и усвоения тем каждой из православных церквей в отдельности.

И насколько это касается главных вопросов и тем, которые мы в настоящее время признаем необходимыми в Священном Синоде, — это находится в своевременно приготовленных нами и препровожденных к Вашему Высокопреподобию программах буду-

щих, при благоволении Божиим, работ Вселенского Собора 1925 г., предложенных и всем другим Церквам, чтобы заявить нам, требуют ли они что-либо иное достойное обсуждения, — для своевременного решения и окончательного согласования и приготовления других автокефальных Церквей для выработки окончательной программы.

Только относительно предположенного места Собрания Иерархов, перерешая прежнее наше постановление о Святом Граде Иерусалиме, — мы нашли ныне другое, как наиболее удобное место, и определили Св. Гору Афон, не только потому, что она является центром, имеющим историческое значение монашеского образа жизни и являющим духовные сокровища в библиотеках, весьма полезные в деятельности Собора, — но также и по центральному положению места и обилию удобств помещения и гостеприимства.

Итак, относительно этого определения и решения нашей Великой Вселенской Церкви, сообщенного уже и остальным церквам, уведомляем и Ваше Высокопреподобие, предлагая Вам сообщить их Местным Церковным Кругам.

Благодать и беспредельная милость Божия да будет с Вашим Высокопреподобию.

Вселенский Патриарх Василий и непрестанный во Христе молитвенник.

С подлинным верно:

Представитель Вселенского Патриарха в СССР
Архимандрит **Василий Димопуло**.

Обращение священного синода к вселенскому патриарху Василию III.

Его Святейшеству, Архиепископу Константинопольскому, Нового Рима и Вселенскому Патриарху Василию III.

Священный Синод Российской Православной Церкви, получив через его Высокопреподобие, Представителя Вселенского Патриарха в России Архиепископа Василия Димопуло (2 января 1926 г., № 641) официальное извещение о созыве в 1926 году в день Пятидесятницы на Св. Горе Афонской Вселенского Собора по прежде опубликованной программе, настоящим свидетельствует свою радость пред Великой Христовой Церковью Константинопольской о приближении давножданного момента и воссылает свои горячие молитвы, чтобы созвание Собора в намеченный срок действительно осуществилось, и чтобы во вселенском единении Церковь нашла новые благодатные силы для укрепления и утверждения своей жизни на незыблемом камне непреложной Христовой истины.

Целя значение грядущего Вселенского Собора особенно высоко, возлагая на него свои горячие упования, священный Синод, со своей стороны, поставил своим долгом отнестись к работе Собора с возможной тщательностью. Избранная Пленумом Священного Синода в конце января 1925 года Предсоборная Комиссия приняла меры к подготовке докладов по важнейшим вопросам программы, сделала доклад о достигнутых результатах на бывшем в октябре 1925 года III Поместном Соборе Православной Церкви на территории СССР.

По сему докладу Священный Собор постановил:

1) делегатам от Российской Православной Церкви вменить в обязанность доложить Вселенскому Собору о современном положении Русской Церкви и тех обстоятельствах, кои вызвали некоторые изменения в практике Русской Церкви сравнительно с прежней, как-то: по вопросу о брачном епископате и второбрачии духовенства;

2) поручить означенной делегации представить Вселенскому Собору мнение русских богословов по тем вопросам, которые вызывают богословские разногласия;

3) поручить означенной делегации выразить горячее желание Российской Православной Церкви видеть все христианские Церкви,

исповедующие единого Христа Спасителя, в братском общении мира и Христовой любви, несмотря на их частные вероисповедные различия.

Вместе с сим, Священный Синод своим сыновним долгом составляет обратить внимание Вашего Святейшества на то, что предпринятые Священным Синодом меры для подготовки ко Вселенскому Собору не могут быть надлежаще завершены, так как для нас неясно очень многое в предстоящей работе Собора.

Нам неизвестно, в какой именно плоскости предполагается ставить намеченные в программе вопросы, какие предположены доклады, каков будет порядок ведения дел, на каком языке будет вестись деловая работа Собора; сколько предположительно времени продолжится работа Вселенского Собора; будут ли приглашены представители инославных церквей и на каких именно началах; будет ли предоставлено равноправие тем русским иерархам, кои, находясь в эмиграции, лишились своих кафедр, а Соборами 1923 и 1925 г. лишены всех иерархических прав.

Принимая во внимание особую важность работы подготовительной ко Вселенскому Собору Комиссии, и предполагая, что в состав ее должны войти представители поместных церквей, по крайней мере тех, кои пожелают принять участие в этой существенно важной работе, Св. Синод выражает совершенно естественное желание и просьбу — включить представителя Р. П. Ц. в состав Подготовительной Комиссии для согласования подготовительной работы на месте с деятельностью Подготовительной Комиссии.

Вообще получение подробного осведомления о деятельности Предсоборного Совещания для согласования своих начинаний и подготовительных работ Священный Синод считает совершенно необходимым. Поэтому Священный Синод вторично просит не отказать нам в скорейших возможно подробных дополнительных сообщениях о Вселенском Соборе, по указанным и подобным вопросам.

Циркуляры Священного Синода о порядке возбуждения ходатайств.

Священный Синод Российской Православной Церкви в подтверждение циркуляра за № 3240 от 13 октября 1924 года, вновь ставит в известность Епархиальное Управление о том, что при возбуждении ходатайств перед ВЦИК и Наркоматами необходимо присылать одновременно пять рублей на гербовые сборы и канцелярские расходы, во избежание задержки возбуждения ходатайства.

Вместе с тем, Священный Синод также напоминает Е. У., что Священный Синод может возбуждать ходатайства перед Высшею

Гражданскою Властью только в том случае, если то или иное дело прошло все низовые инстанции до Губернского Исполнительного Комитета включительно, с непременно приложением подлинников или заверенных копий постановлений ВИК, УИК, ГИК и т. п.

Священный Синод предлагает Епархиальному Управлению незамедлительно о сем поставить в известность все подведомые ему приходы и Приходские Советы.

О порядке обжалования налогового обложения.

Священный Синод Православной Российской Церкви, проводя при сем копию отношения Наркомфина от 19 января 1926 года за № 4402 Б 30 о соблюдении порядка обжалования постановлений налоговых органов, предлагает Епархиальному

Управлению объявить его подведомственному духовенству к неуклонному исполнению и предупреждает, что поступающие с мест ходатайства без соблюдения всех указанных в названном отношении Наркомфина условий не будут получать никакого движения.

Копия отношения Наркомфина.

Налоговое Управление уже обращалось в Синод с просьбой сделать распоряжение по подведомственным ему епархиям о том, чтобы, во избежание излишней траты времени и пропуска установленных сроков, служители культа, привлеченные к обложению подоходным налогом, по их мнению, неправильно, обращались с жалобами сами и непосредственно в налоговые органы в инстанционном порядке, при чем жалобы на имя НКФ РСФСР оплачивались бы гербовым сбором в размере 2 рублей.

Однако, до сего времени продолжают поступать в НКФ РСФСР жалобы служителей культа, направляемые ими не непо-

средственно, а через Синод, без гербового сбора, без соблюдения при этом инстанционного порядка.

В виду изложенного, Налоговое Управление еще раз просит Синод сделать упомянутое выше распоряжение, так как неисполнение этой просьбы отрицательно отзывается на самих же налогоплательщиках, отдавая для них решение вопросов о правильности обложения.

Зам. Началог. НКФ РСФСР (подпись).

За Управляющего Отделом Прямых Налогов (подпись).

О кафедральных соборах и правах епископа.

(Цирк. от 2 декабря 1925 года, за № 4533).

По имеющимся в распоряжении Св. Синода данным: 1) некоторые Кафедральные Соборы не имеют двадцаток, что является незаконным и может повлечь печальные последствия для существования самих соборов; 2) соборные причты иногда отказывают епископу в выдаче братских доходов, что замечается даже там, где имеются чудотворные иконы и где нельзя сослаться на недостаточность доходов как на предлог лишить епископа причитающейся ему части содержания.

Священный Синод предлагает Епархиальному Управлению незамедлительно принять соответствующие меры к тому, чтобы выполнялись постановления Соборов 1923 и 1925 г.г., — немедленно образовать двадцатки при соборных храмах и выполнять все последствия, соединенные с правами епископа, как настоятеля Собора.

О сборах на нужды богословского просвещения.

(Циркуляр от 3 декабря 1925 г., за № 4534).

По имеющимся в Священном Синоде данным, некоторые Епархиальные Управления, получив пожертвования на содержание рассадников высшего богословского образования, употребляют их на другие свои нужды, откладывая пересылку их по месту и цели их назначения.

Священный Синод со всею решительностью еще раз напоминает Е. У., что подобным недопустимым и ничем неоправдываемым отношением к нуждам духовного просвещения действующие уже рассадники духовного просвещения обрекаются не только на жалкое существование, но создается угроза самому их бытию.

В виду такого весьма серьезного положения дел Священный Синод предлагает Е. У.:

1) использовать незамедлительно все имеющиеся в распоряжении Е. У. средства соответственно указанным в циркулярах № 3158—21 (VIII 1925 г. и № 4012 27/X 1925 г. мерам для изыскания средств на содержание рассадников высшего богословского образования;

2) поступающие на указанный предмет с мест средства не употреблять ни на какие другие нужды, а пересылать незамедлительно в Священный Синод.

Ссылка на местные нужды не может иметь никакого оправдания, так как это — средства специальные, и если бы сбор их не был предписан Св. Синодом, то Е. У. нашли бы тот или иной выход из своего нередко действительно тяжелого положения.

Наказ Священного Синода Православной Российской Церкви Северо-Кавказскому Краевому Митрополитическому Управлению и Особо-Уполномоченному Священного Синода по Северо-Кавказской Митрополии.

1. Твердо и неуклонно стоять на незыблемом основании Святого Вселенского Православия.

2. Защищать священный авторитет Вселенской Константинопольской Патриархии, Матери Вселенского Православия, и проводить в сознание широких народных масс положение о безусловной необходимости иметь каноническое общение с главой Вселенской Православно-Кафолической Греко-Восточной Церкви, Константинопольским Кир-патриархом и другими восточными вселенскими православными Патриархами, утверждая документальными данными, что Священные Соборы 1923 и 1925 годов и Священный Синод Российской Православной Церкви таковое общение имеют.

3. Твердо и неуклонно стоять на платформе постановлений Священных Соборов 1923 и 1925 годов, неукоснительно и систематично проводя их в религиозную жизнь православно-верующего народа.

4. Практически осуществлять великие заветы православно-обновленческого движения, разумно, планомерно и постепенно вводя в духовную жизнь православно-верующих идейные начала этого святого истинно-церковного движения.

При этом должно во всей силе с затратой огромной энергии всемерно проводить в церковную жизнь следующее:

А. Восстановление во всей чистоте и силе церковной дисциплины в жизни и деятельности клириков.

Б. Участие широких народных масс в практическом осуществлении в своей личной жизни высоких идеалов христианских добродетелей и христианской дисциплины (молитва, пост, благотворительность и т. д.).

В. Решительную борьбу законными мерами со всеми ненормальными уклонами современной жизни как духовенства, так и мирян (пьянство, азарт, табакокурение, наркомания, половое извращение, незаконные сожителства, брань скверными словами, сутяжничество и проч.).

Г. Повышение культовой стороны православного богослужения до степени истинной художественности и высоко-морального духовного влияния (полная истовая уставность, если не количественная, то непременно качественная, разумное творчество в совершении богослужения, организованное партесное общенародное пение, художественное декламационное чтение, воскрешение древнейших обрядов и т. д.).

Д. Напогромаднейшее напряжение в надлежащей постановке священнейшего культа чаши Христова завета (частое приобщение

Святых Тайн с серьезнейшей к сему подготовкой, горячая проповедь в разъяснение высочайшей тайны Тела Христова в свете православного вероучения и вселенского православно-церковного сознания, совершение в должные моменты за божественной литургией преклонения колен перед Святой Чашей, привлечение возможно большего количества приобщающихся Крови Богочеловека и проч.).

Е. Всемерное утверждение и укрепление в началах вечной христианской истины совести православно-верующих путем наивысшего культивирования величайшего таинства исповеди (борьба с исповедальным трафаретом, механизацией и формализмом, введение сильнейшей по влиянию общенародной исповеди, совершение публичной исповеди по древнему чину Святого Преподобного Иоанна Исповедника, неременное установление специальных «недель покаяния» и т. д.).

Ж. Практическое осуществление в жизни православно-верующих истинно христианских начал строгого в православном духе соблюдения святых постов, исходя из той великой мысли, что пост есть высшее духовное средство дисциплинирования в общении со Христом в послушании Святой Церкви душ верующих (неременное соблюдение всех решительно постов, строгие эпитимии за несоблюдение их, специальная проповедь кафедральная и домашняя в защиту поста при свете медицины, морали и церковной дисциплины и проч.).

5. Практическое проведение в религиозную жизнь и в сознание православно-верующих необходимости и огромнейшей моральной пользы принятия всеми верующими (больными духом и телом и вообще страждущими) великого таинства елеосвещения (соборования) в противовес ложному католическому взгляду на это Св. Таинство, как на «Sacramentum mortale» (таинство для умирающих) и в целях борьбы с униатским требником Петра Могилы, доселе вредно влияющим на Юго-Востоке России на религиозную совесть православных христиан (тщательное массовое приготовление к Святому Соборованию усиленным постом и усиленной молитвой, специальная глубокая проповедь с разъяснением истоснований этого Святого Таинства и практически действенных великих российских святых обителей, и не более семи (7) раз в год и т. д.).

6. Всеми законными мерами бороться с лицами священного сана (хотя бы и епископского достоинства), так или иначе препятствующими проведению в народную жизнь начал православно-обновленческого движения, назначая строжайшие ревизии и серьезные следствия над противленцами, собирая необходимый материал и спешно сообщая Священному Синоду как о таковых лицах, так и о содержании инкриминируемого им материала, подвергая виновных самым строгим взысканиям, вплоть до увольнения с мест, запрещения в священнослужении и даже с санкции Высшей Церковной Власти лишения сана.

7. Проведение в широкие народные массы путем церковных торжеств, специальной проповеди и т. д. идеи о крайней необходимости существования православной школы для подготовки церковных пастырей, при чем усиленно стремиться всеми законными способами и средствами изыскивать, добываясь полной устойчивости, необходимый для духовных академий и пастырских школ материальный фонд (систематические отчисления свечных ящиков с согласия церковных общин, добровольные пожертвования по подписным листам, однодневные специальные сборы по церквам, устройство специальных духовных концертов, христианских вечеров и проч.).

8. Организация по всем епархиям Северо-Кавказской Митрополии специальных миссионерско-благостных совещаний при Епархиальных Управлениях, согласно существующим на сей предмет распоряжениям Священного Синода, но непременно избирать на это дело специальных лиц (Епархиальных, Уездных и Благочиннических благостников и их сотрудников), во что бы то ни стало изыскать необходимые на их содержание средства, созывать два—три (2—3) раза в год всех деятелей миссии (благостничества) на специальные инструкторско-идеологические съезды, где практически ознакомлять их с современными и древней-

шими методами и приемами положительного благовестия и апологетико-полемиического делания.

9. Широкая постановка дела информации православного населения о началах и задачах церковно-обновленческого движения и борьбы с тихоновщиной и сектантством путем устройства специальных богослужебных и внебогослужебных, платных и бесплатных собраний (бесед, евангельских уроков, внебогослужебных собраний, христианских вечеров, духовных концертов, религиозных маевки и паломничества, крестных ходов вокруг храмов и вне их и т. д.) с надлежащего разрешения на сие духовной и гражданской власти касательно крестных ходов и платных собраний.

10. Отобрание у тихоновцев на законных основаниях и с соблюдением всех существующих для сего государственных правил и положений, православных храмов, при чем по отобрании—постановка церковно-богослужебного, просветительного, дисциплинарного и хозяйственного дела на должную высоту, привлекающая к активному «деланию» в этих храмах самые широкие слои населения.

11. Организация на Северном Кавказе церковно-обновленческого издательства (журналы, газета, листки, богослужебные книги, книги Священного Писания и т. д.).

12. Распространение самым настойчивым образом по епархиальным учреждениям, среди духовенства и мирян уже изданных и издающихся церковно-обновленческих журналов, газет, книг, календарей, листков и проч.

13. При посредстве намеченных способов, мер и средств стремление к созданию церковно-обновленческого в строго-православном духе семейного и домашнего быта, закрепляя в этом быте верующих высокие достижения церковного обновленчества.

Движения по службе.

1. Управление Владимирской Епархией временно поручено епископу Александровскому Алексию, с освобождением от временного управления означенной епархией архиепископа Нижегородского Александра (1 декабря 1925 г.).

2. Архиепископ Рязанский Михаил (Попов), согласно его желанию и представлению Ленинградского Е. У., назначен на Лужскую кафедру, викарием Ленинградской епархии, с освобождением от управления Рязанской епархией (1 декабря 1925 г.).

3. На Рязанскую кафедру назначен епископ Проскуровский Сергей (18 декабря 1925 г.).

4. Архиепископ Михаил (Фивейский), быв. Павлодарский, согласно избранию утвержден правящим Нижне-Тагильской Верхотурской епархии (22 декабря 1925 г.).

5. Епископ Минусинский Иннокентий (Орфеев), согласно прошению, уволен на покой. На Минусинскую кафедру перемещен епископ Барабинский Александр (Четыркин) (5 января 1926 г.).

6. Викарий Иркутской еп. епископ Зиминский Николай (Наганов), согласно прошению, уволен на покой (5 января 1926 г.).

7. Епископ Николо-Уссурийский Василий возведен в сан архиепископа (5 января 1926 г.).

8. Архиепископ Калужский Геронтий перемещен на Тамбовскую кафедру (16 января 1926 г.).

9. Архиепископ Новочеркасский Георгий (Добронравов) перемещен на Калужскую кафедру (16 января 1926 г.).

ЧАСТЬ НЕОФИЦИАЛЬНАЯ.

Что разделяет церковь.

Вот уже год прошел с тех пор, как умер п. Тихон, служивший повидимому камнем преткновения к воссоединению разделившейся церкви. И, несмотря на все призывы к миру, попрежнему стоят друг против друга, враждебным станом, две основные наши группировки.

Что же так упорно разделяет церковь?

Истоки нашего церковного разделения, как бы по внешности ни было оно связано с событиями, имевшими место четыре года тому назад, лежат за гранью не только этого момента, но и момента восстановления нашей соборности. Они лежат в том расщеплении церковной общественности, которое ясно наметилось уже в начале 900-х годов. Если мы припомним то знаменательное время, то увидим 20 лет тому назад все черты церковного расхождения, характеризующие нашу современность. В самом деле, возьмите документальные памятники той эпохи: протоколы собраний петербургского религиозно-философского общества, собрание отзывов и мнений епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе, труды Предсоборного Присутствия 1906 года, тогдашнюю церковную и светскую журналистику. Вы найдете там решительно все те разногласия, которые волнуют церковный мир наш в данную минуту.

Самый кардинальный вопрос, поднятый в связи с обновительным церковным движением, есть, конечно, вопрос о социальной,

жизненно-исторической роли христианства, — тот вопрос, которым болеет сейчас весь христианский мир. Во всякого рода новейших реформаторских церковных программах этот вопрос фигурирует обычно под несколько приевшимся названием — об отношении церкви к социальной революции. Но кто бывал в свое время на собраниях религиозно-философского общества в Петербурге, тот отлично знает, что нигде так много и всесторонне не дебатировался этот вопрос, как там. Идея «деятельного христианства», творящего общественные формы жизни, преобразующего весь социальный уклад, идущего навстречу трудящимся и угнетенным, — составляет неотъемлемое наследие наших нео-богословов, уразумевших неправду исторической церкви гораздо раньше церковников. И тогда же определенно обозначились расхождения церковной мысли по этому вопросу. Евангелие радости, исповедуемое христианами общественниками, столкнулось, лицом к лицу, с евангелием скорби, исповедуемым монашеской церковностью. Призыв к христианскому творчеству земного счастья человечества встретил себе противоречие в традиционной византийско-русской аскетической идеологии, замыкавшейся от жизни в потусторонних аскетических устремлениях. Одни говорили, что Христос проповедывал царство Божие не только небесное, а и земное; другие, забывая землю, устремляли взор только в небо. Правда, в ту пору это столкновение двух пониманий христианства не захватывало

Конечно, смело было бы предсказать, что и мы повернем историю. Если тому церковному течению, проводниками которого мы являемся, суждено сыграть историческую роль, то это будет не наша заслуга, а проявление все той же возражающей силы Христова благовестия, подлинный смысл которого мы только стараемся очистить от пыли веков. Но одно несомненно, что сколько бы мы ни искали путей церковного примирения, те, кто сейчас не с нами, искренно будут с нами лишь тогда, когда они изживут

свою прежнюю идеологию, когда они действительно поймут, где подлинная правда Божия. Внутреннее примирение церковного разделения, поэтому,—дело довольно длительного процесса, и мыслить его иначе было бы нецелесообразно. Процесс этот, повидимому, идет достаточно быстрыми шагами, и наша задача—только всячески его ускорить.

Единственно с точки зрения этого ускорения имеют смысл и всякие внешние шаги к тому церковному единению и миру, о коих говорится уже год. Мы не редко говорим о таких частностях, как те или другие постановления собора 1923 года. Но мы отлично понимаем, что не эти постановления стали между нами и «ими». Нас разделяет разница церковной идеологии; а собор 23 года—это только та ширма, за которую хотят укрыться наши антагонисты, для коих не совсем удобно обнаруживать истинную сущность своего расхождения с нами. Но все это понятно не для всех, не для церковных масс, а для одних верхов. Для церковных масс обновление церкви—это белый епископат, второбрачие клириков и т. п.—отмена старых церковных обычаев. При нашем народном обрядовании внешние формы легко смешиваются с сущностью церкви—и на этом искусно играют те, которым просто нужен предлог, чтобы отгородиться от церковного движения, угрожающего поколебать устои их церковного консерватизма. Чтобы вырвать из рук наших антагонистов это оружие и тем приблизить к себе массы, с одной стороны, и выявить широко подлинные причины церковного разделения—с другой, Собор 1925 г. и постарался смягчить остроту постановлений собора 1923 года. Этим мы не изменяем сами себе, потому что наше церковное течение по существу своему выше буквеедства. Не для брачного или монашеского вопроса мы пошли на конфликт со старо-церковниками; а для возрождения жизненной силы христианства, для овладения миром, ускользающим из-под влияния церкви. И те или другие отступления в отдельных пунктах не имеют значения, раз они укрепляют общую линию нашего церковного поведения. Между тем противники наши, когда мы делаем шаг на встречу, должны же будут, наконец, сказать: почему все-таки они не с нами. Почему в момент величайшего религиозного кризиса, когда идет вопрос о жизни и смерти не тех или других церковных форм, а самой веры на земле, испытывающей шторм антирелигиозных волн, они работают не на укрепление церковных сил, а на их распыление?

Здесь мы подходим к тому пункту, в котором заключается центр тяжести наших разговоров о мире церкви. Когда мы спрашиваем: почему они не с нами, то с той стороны вправе также спросить: а почему вы не с нами? Мы говорим им: идите к нам;

а они отвечают нам тем-же. Такая постановка дела теперь применяется особенно часто, и представляется наиболее соблазнительной. В самом деле, если мы ждем, чтобы староцерковники изжили свою идеологию, то они хотят, чтобы мы отказались от нашей. Не равноправны ли требования той и другой стороны?

Нет, не равноправны,—и вот почему. Правда, мы сознаем, что искреннее единение, т. е. единомыслие между нами и нами возможно лишь тогда, когда они изживут свою, с нашей точки зрения отжившую свое время, церковную идеологию. Но мы не требуем этого от них как неперемного условия мирного сотрудничества, потому что понимаем, что это дело времени. Сами мы твердо верим в правильность своего пути. С той же стороны мы только желаем мирного сотрудничества на церковной почве. В то время, когда перед лицом опасности все христианские церкви ищут единения и готовы протянуть друг другу руку, мы считаем делом антихристианским внутреннюю вражду, как бы ни были серьезны наши идеологические и практические расхождения. Мы не питаем ни злобы, ни ненависти к инакомыслящим, а тем более—одинаково с нами верующим. Мы думаем, что они неправы; и тем не менее говорим: пойдем вместе, ибо выше наших разногласий стоят общие религиозные и христианские интересы. Но с той стороны мы наблюдаем совсем другое. Там нас клеймят и проклинают, там хотят насильствовать нашу совесть, там называют нас еретиками и схизматиками,—словом, там требуют именно нашего отречения и измены своим принципам. Как видно, подход к делу совсем разный, и когда мы говорим: почему они не с нами, то это совсем не то, когда они говорят то-же, обращаясь к нам. А почему же так? Да потому, что их идеология, очевидно, нетерпима и непримирима, как средневековая инквизиция.

При таких условиях напрасно гадать: когда же они будут с нами, когда кончится разделение—и что бы мы ни сделали, это не обеспечит желанного мира церкви. Тем не менее мы должны делать то, что подсказывает нам христианский долг, как бы ни толкало нас может быть на радикальный путь непримиримое упорство наших противников. Мы все-таки будем братски приглашать вне-соборную часть церкви: идите с нами. Не к нам даже, а с нами, на общее соборное дело, где сами собою сгладятся, может быть, наши расхождения. Сгладятся не столько силою взаимного убеждения, сколько силою того Христова духа, о коем говорил Христос: «где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них». В водовороте человеческих страстей и эгоистических интересов—это единственный камень, на котором может быть построен мир разделившейся нашей церкви.

Б. Титлинов.

Борьба за мир в Церкви.

Всем известно, в каких тяжелых условиях приходится работать деятелям обновительного церковного движения. Окруженные тупою реакцией «тихоновщины», подвергаемые классовому бойкоту буржуазных элементов церковного общества, продолжающих смотреть на Церковь, как последнее убежище классовых вожделений, изнемогающие под экономическим гнетом бедности, обновленческие работники падают духом. За три года борьбы у многих уже истощились силы, а у некоторых готовы опуститься руки.

Все это сказалось весьма рельефно в предсоборных и соборных настроениях на октябрьском Соборе минувшего года. Во время выборной Соборной кампании по епархиям единодушно неслся клич: скорее бы только мир. От Собора ждали во что бы то ни стало ликвидации церковного разделения, мало вдумываясь в существующее положение. И хотя Собор достаточно ясно осветил это положение, тем не менее некоторые уехали с него как бы с недоумением: дело мира почему-то не движется вперед. Иные, как Ленинградский прот. Запольский, открыто высказали это недоумение и даже не прочь были упрекнуть руководящие верхи синодальной Церкви в недостатке примирительного настроения.

Мы знаем, что подобные упреки опровергаются фактическими данными (см. статью в предшествующем № «Вестника Синода»: «Что было сделано для церковного мира»). Дело не в недостатке примирительного настроения у обновленческих деятелей, а в непримиримости их противников. Но в ободрение ослабевающих следует сказать, что напрасно они думают, будто дело церковного мира не движется вперед и что последний Собор не сдвинул вопроса с прежней точки. Мы идем к умиротворению Церкви и идем довольно быстро.

Что такое церковный мир, о котором все мы воздыхаем? Есть ли это просто внешнее церковное единство, единство администра-

тивного церковного управления, внешнее молитвенное общение и т. п.? Очевидно, нет. Даже в гражданском обществе отсутствие внешней войны еще не означает «народного мира». При наружном мире бывают самые беспокойные, бурные народные переживания, происходят глубокие брожения. В таких случаях внешний «мир» называют обманчивым и он вовсе не является показателем общественного благополучия. Такой мир в любой момент может превратиться в жестокую войну, и он все равно не дает возможности мирного развития. Длительное состояние такого внутреннего разлада не укрепляет, а подтачивает силы общественного организма. И как при физическом заболевании лучше, когда болезнь выходит наружу и окончательно определяется, чем производит свое разрушительное дело втайне, так и при заболевании общественном благотворнее внешний взрыв, чем внутреннее разложение. Подлинный мир общества—лишь там, где налицо внутренняя гармония и благополучие; где обеспечено правильное развитие общественных сил, поставлены правильные задачи и намечены надлежащие пути к их осуществлению. Также точно и в церкви, поскольку она есть общество с своими специальными целями. Внешний порядок, внешнее единство не есть мир. Под таким внешним миром может скрываться самый губительный распад, смертельная болезнь. И необходимо ее выявить, для того, чтобы излечить. Необходимо устранить раз'едающие микробы, поднять жизненные силы и поставить церковное развитие на правильную дорогу. Вот подлинный мир, а не обманчивая личина.

Борьба за такой церковный мир и составляет нашу задачу, поскольку единственная цель церковной работы есть благо церкви. В процессе этой борьбы всякое выявление скрытых гнояников, всякое приближение к правильному прогнозу церковных недугов составляет уже существенное достижение. Конечно, для внешнего на-

блюдателя при этом может казаться, что болезнь не уменьшается, а ухудшается. В так называемом «обществе», стоящем в сущности в стороне от церковных дел, последний Собор создал впечатление, что церковный разлад только усиливается. Собор, как известно, поставил точки над *i*. Он подверг глубокому анализу существующее церковное положение и пришел к заключению, что в корне церковной болезни лежит совсем не церковный по существу микроб, засевший в церковном организме. Самое тщательное научно-богословское вскрытие обнаруживает, что все чисто церковные мотивы не в состоянии объяснить нашего церковного раскола, или, вернее, откола староцерковничества от Соборной Церкви. И в то же время тщательная проверка фактов приводит к явному выводу, что вся «тихоновская» оппозиция строится на политических настроениях. При таких условиях сама логика заставляет сказать, что микробы тихоновской болезни политического порядка и что стало-быть чисто церковные средства тут теряют свое действие.

Этим действительно, как будто, подчеркивается трудная излечимость церковного раскола. Но разве лучше скрывать от себя правду? Разве лучше бродить в потемках? И разве Собор не имел не только права, а обязанности сделать подлинный прогноз и не затушевывать положения?

Как бы то ни было, получилась видимость обострения церковного разделения, вместо смягчения его, — и это-то смущает некоторых. Но напрасно. Обострение болезни в данном случае — лишь шаг к выздоровлению. Нам незачем создавать ложный церковный мир, построенный на недоговоренностях и закрывании глаз на тайные недуги. Из такого мира все равно добра не выйдет. Вся жизненная сила обновленческого движения в Церкви состоит в выявлении правды Божией, в освобождении христианской идеи от земных цепей. И в этом его основной смысл, потому что к этому

история повелительно зовет церковь. Других путей церковного развития, ведущих к церковному благу, мы не видим. Так зачем же нам замалчивать продолжающееся пленение Христовой идеи в сознании староцерковнической части Церкви? Зачем прикрывать торгашей Евангелием, когда сам Христос изгонял торгующих из храма? Это значит только затягивать болезнь, не приближать, а отдалять вожаемое внутреннее примирение Церкви. Лучше смело смотреть в глаза самой горькой действительности, чем делать вид, что мы ее не замечаем. Как же иначе довести церковное сознание до правильного понимания церковного положения?

Но может быть церковное положение действительно безнадежно, в церкви нет достаточно здоровых сил, чтобы одолеть застарелые недуги и потому обострение их лишь приближает печальный конец? Мы этого не думаем. Напротив, все свидетельствует, что церковный организм вступил в борьбу и постепенно побеждает нездоровые элементы. Здесь важен не внешний рост обновленческого движения, — хотя и он показателен, — а сдвиг в сознании церковных масс. «Обновленческая» психология, еще недавно чуждая церковному большинству, становится явно все ближе ему. Вот почему между прочим вожди староцерковников так боятся всякого соприкосновения своего «народа» с «обновлением». Они чувствуют слабость своих позиций и изоцираются в измышлении церковных жупелов, отпугивающих простодушных верующих от самого знакомства с обновленчеством. Но опыт показал, что только на запугивании и извращении и держится «тихоновщина». А это уже очень важно. Раз приходится прибегать к таким средствам, значит почва колеблется под ногами. Церковный организм, стало-быть, болен не безнадежно. Кровь его очищается, микробы же скопились в некоторых узловых центрах. По закону жизни эти скопления должны рассосаться. Зато тогда настанет прочный церковный мир.

Переворот в тихоновщине.

Жизнь имеет свои законы, и бесполезно прать против рожа. Эту истину еще раз подтверждает история тихоновской церковной организации, пошедшей по путям бывшего патриарха Тихона.

Почти четыре года прошло с начала последнего обновленческого движения в нашей церкви. Передовые церковные элементы еще в 1922 году поняли, что патриарший корабль плывет по гибельному фарватеру. И они тогда же имели смелость устранить капитана и взять новый, правильный курс. А четыре года тому назад для этого нужно было большое мужество, потому что церковная атмосфера еще вся насквозь была пропитана миазмами старых церковно-политических традиций, поддерживаемых патриаршим политиканством, пережитками до-революционных настроений, тупым протестом против новой революционной общественности. И сколько, действительно, пришлось вынести новым церковным деятелям всяких нареканий, какой вихрь злобы и ненависти обрушился на них. Как они смели поднять голос против патриаршего авторитета!

За три года злоба и ненависть смягчились. Все больше и больше в церковном мире становилось людей, задумывающихся над судьбами церкви. Но все-таки тихоновщина стояла твердой стеной. Она пошла в разрез с соборным церковным разумом, оставалась глуха ко всем призывам. Умер Тихон — взял руль Петр, и с Аввакумовским фанатизмом продолжали кричать: только у нас истинное православие, все отошедшие от Тихона — изменники и предатели. Чего? На это никто не мог ответить.

И третий поместный Собор не образумил несчастных фанатиков. Презрительно отвернулись они от протянутой им братской руки, не захотели разговаривать с обновленцами. «Свят, свят, свят!» — зывали они, — не Господь, а патриарх и его преемник. Иного не знаем. Напрасно Собор еще раз предупреждал, что у руля «святого» патриаршего корабля стоит не Христос, а кесарь. Ничему не верили. Ни фактам, ни документам. Шли на пролом. И ударились, наконец, лбом в стену.

Месяц какой-нибудь прошел после собора — и повторилась история тихоновского крушения. В печати появились разоблачения нелегальной политической деятельности патриаршего заместителя Петра. Среди тихоновского епископата началось смещение: все хорошо знали, к чему это ведет, уже по опыту Тихона. Образуется инициативная группа тихоновских архиереев, которые идут к Петру и просят его открыто реабилитировать себя, если это неправда. Но Петр отвечает, как в свое время Тихон, что это не их дело, — он сам отвечает за церковь. Классический ответ! Вот он русский папизм, махровым цветком расцветший на почве патриаршества! Патриарх — хозяин церкви — и никому не дает отчета. Такова беззастенчивая узурпация, должно быть, всех «владык»,

надевших патриаршую шапку и даже суррогат ее. Ведь, кажется, так недавно, у всех на глазах был собор 1917 года, восстановивший патриаршество, и в постановлениях его черным по белому написано, что патриарх только первый между равными, председатель синода, творящий волю собора и пред ним ответственный, ничего не могущий делать без синода и совета. Но все забыто. Из патриаршей конституции вылился типичный церковный монарх, не желающий никого знать, и местоблюститель Петр, даже не будучи патриархом, отлично усвоил патриаршие повадки. Но архиерей на этот раз оказались упрямы. Они настаивали, требовали созыва епископов, утверждая, что не один местоблюститель, а весь епископат несет церковную ответственность. Петр что-то пообещал, но не сделал, а затем... попал под гражданскую ответственность и лишился свободы действий.

Тогда инициаторы епископского выступления созывают сами совещание епископов, 22 декабря, в Донском монастыре. Собрание молчаливо низлагает Петра Крутицкого с его местоблюстительства, выбирает временный высший церковный совет из шести епископов (председателя — Григория Екатеринбургского, Константина могилевского, Бориса Можайского, Виссариона симбирского, Дамиана переяславского, Иннокентия каменского и Тихона усть-медведицкого) и вручает последнему управление церковными делами впредь до созыва церковного собора не позднее лета сего года. Совет провозглашает себя временным органом управления всей тихоновской организацией.

Так повествует о перевороте сам председатель нового тихоновского совета Архиепископ Григорий (в № 2636 «Извест. ЦИК»). И так, не верили «обновленческому» собору, но пришлось поверить жизни.

Мы не знаем еще, какими путями пойдет новое тихоновское управление. Оно именует себя хранителем «традиционной» церковности, отгораживается от Свящ. Синода. Но важны факты, а не слова, а факты говорят о том, что мы имеем на лицо новое подтверждение правильности церковного обновительного движения 1922 года.

Что заставило тихоновскую иерархию выйти из послушания патриаршему «авторитету»? Очевидно, то же самое сознание гибельности патриаршеской политики, которое вдохновляло и церковных деятелей, выступивших против п. Тихона. И среди тихоновских архиереев нашлись люди, понявшие, что политиканство к добру не ведет и что церковные руководители не имеют права жертвовать церковными интересами в пользу своих классовых вожделений. Время показало, что патриаршество осталось тем, для чего оно и было создано: хранителем старых монархических традиций. Истинный лик патриаршества выявился в первые годы

Тихонова управления, годы церковного воинственного фронта против новой государственности, и он остался неизменным. Как не перелицовывался Тихон, он остался Тихоном 17—18 г.г. и умер столь же далеким от нового строя, как был в период анафематствований. Заступил место Тихона Петр—дело шло по-прежнему. И Петра держали, конечно, просто как приказчика, исполняющего общие директивы фирмы, потому что сам он лично престижа никакого не имел. И если стряслась беда с Петром—банкротство постигло фирму, и на этот раз вторичное банкротство.

В 1922 году прозрели глаза у части церковного общества, которая и вышла из состава фирмы Тихона и комп. В 1925 году прозрели глаза еще у части общества, остававшегося под тихоновской фирмой,—и она отрясает прах от тихоновского наследства. Тут неумолимая логика вещей, если церковь хочет оставаться церковью.

А каким методом действуют тихоновские архиереи, утекающие с тонущего корабля патриаршества? Тем же самым, каким действовали церковные деятели 1922 года. Они образуют инициативную группу, сначала — уговаривают — безрезультатно — «местоблюстителя», потом созывают съезд и выбирают временное управление — до собора. Точная копия того, что было 4 года тому назад. Да как же иначе и можно действовать? Квази-патриарх заявляет, что он хозяин, а церковное сознание подсказывает церковникам, что это неправда. Видя церковное дело в опасности, они действуют по своей инициативе, так как нет ни синода, ни совета, который бы могли собрать совещание или собор, то сами созывают съезд и малым Собором совершают переворот. Вся разница в том, что это им было сделать легче, чем в 1922 году. Тогда был патриарх, а теперь местоблюститель, не очень популярный. Да в том еще разница, что тихоновские архиереи предпочитают не называть вещи своими именами. Они в сущности низложили Петра, но об этом умолчали. В новом тихоновском церковном совете Петр отсутствует (не только физически, но номинально), а функции местоблюстителя берет совет. Кажется, ясно, что Петра постигла оставка. Но фигура умолчания иногда удобнее. Будут ли судить Петра на обещаемом соборе, мы не знаем. Только дело это несколько не меняет. Тихоновские епископы сделали то же,

что и «обновленцы» в 1922 году, и другого ничего не могли сделать. Такова опять неумолимая логика вещей.

Но логика требует выводов до конца. А этого пока не делают тихоновские «революционеры». Из всего их образа действий и их заявлений следует, что они пришли к убеждению в узурпаторском характере патриаршего «хозяйского» режима и преступности того политиканства, каким занималась с легкой руки Тихона их иерархическая верхушка. Иначе говоря, они пришли к пониманию внутренней правды церковного самоопределения, начало которому было уже положено в 1922 году. А в таком случае логичнее бы было просто примкнуть к той соборной церкви, которая уже давно освободилась от патриаршего, украшенного монархическими эмблемами, жезла, и искренно сознаться, что до сих пор они неправильно оценивали «обновление», а жизнь их научила. Зачем, в самом деле, начинать сначала то, что уже сделано, и открывать открытую Америку? Слава Колумба едва ли столь привлекательна, чтобы пускаться в безбрежное плавание. Тут, надо полагать, сказывается еще некоторая незрелость сдвинувшегося тихоновского сознания. Будем надеяться, что оно созреет и, вместо отгораживания от синодальной церкви, братски протянет ей руку. Раз Рубикон перейден, то для единения нет более препятствий. Ведь только наивные люди думают, что спор идет о брачном епископате, второбрачном духовенстве и под. Спор идет внутри церковной идеологии, и раз она сдвинулась у тихоновских епископов в нашу сторону, то дорога их только к синодальной церкви. Или, может быть, они еще не совсем сдвинулись?..

Но если логика восставших против Петра епископов немножко еще хромает, то логика махровой тихоновщины попрежнему последовательна. Она готова побить камнями и этих своих недавних собратьев, как побивала виновников движения 1922 года. Та же злоба и ненависть, только в меньшей мере, готовы обрушиться на «временный высший церковный совет», как когда-то на «временное высшее церковное управление». Иначе они не могут. Что ж, это вполне понятно. Ведь им важен не Тихон, не Петр, а то, на страже чего они стояли: осколки разбитого старого строя — не церковного — о, нет! — а гражданского. Они все еще живут прошлым. Жизнь еще не всех их отрезвила. Долго ли они будут ждать? До следующего толчка...

Русская Церковь и вселенский Собор.

Мы стоим в преддверии Вселенского Собора

Мы писали уже в свое время о крупном значении этого события в жизни Православной Церкви и в частности нашей русской. За год положение вещей мало изменилось, но в общем выявились новые факты, которые не могут не отразиться в соборной деятельности.

Первый факт общехристианского значения: активное стремление к взаимному сближению между христианскими исповеданиями. Как известно, в программе вселенского собора на первом месте стоит вопрос о единении христианских церквей. Само собою ясно, что это вопрос сложный и наиболее требует предварительной подготовки. В этом отношении, быть может, к лучшему, что вселенский собор не состоялся в прошлом году. Годичная отсрочка дала возможность выяснить грядущие перспективы и нащупать почву для постановки данной общехристианской проблемы. Состоявшиеся летом два международных христианских съезда — в Лондоне и Стокгольме — явились, несомненно, теми предварительными конференциями, которые дают понять, в каком положении дело христианского единения.

Как и следовало ожидать, призыв к общехристианскому примирению в 20 веке встречен совсем иначе, чем это было несколько сот лет тому назад. История кое-чему все-таки учит, и теперь анахронизмом кажутся старые споры о всевозможных мелочных вероисповедных разностях, оживающие комара. Теперь может ставиться вопрос только о глубоких принципиальных расхождениях, да и тут чувствуется гораздо большая терпимость. Христианские исповедания — к великому счастью — оставили свой полемический зазор. Уже гордый папский Рим не говорит голосом властелина, а со вниманием изучает восточно-православную и протестантскую церковность и ищет путей сближения. Уже греческий Восток не чуждается «латинской» и «лютерской» «ереси», а братским языком разговаривает с представителями всех обрядов. Уже пылкий протестантизм не величает антихристом римского первосвященника. Религиозное сознание переросло старые формы вероисповедной обособленности. Главы церквей восточных и западных могут не только разговаривать друг с другом мирно и спокойно, а даже входить в молитвенное общение. В Лондоне на юбилейных торжествах англиканское духовенство сослужило с православным.

Недоставало папского легата; да и его фигура тут не выглядела бы диссонансом.

При таком сдвиге в настроении, можно уже положительно сказать, что на вселенском соборе соберутся не одни православные — восточные церковники. Христианский Запад, наверное, будет иметь свое представительство и переговоры о единении церквей получают реальную подкладку. Было бы слишком смелым, конечно, думать, что соглашение исповеданий теперь же и наладится. Самое большее, что можно считать назревшим, — это сближение церквей православных с англиканской. Лондонские совещания дали в этом отношении, видимо, уже какой-то практический результат, и англиканская церковь стоит на пороге братского сотрудничества с восточными церквями. Это и вполне понятно, если припомнить, что англиканское исповедание, занимая средину между протестантизмом и католичеством, ближе всего подходит к позициям восточного христианства. Его объединяет с последним, с одной стороны, отсутствие крайностей протестантизма (иерархия и таинства), с другой стороны, одинаковый протест против папской притязательности. Нет ничего невозможного, поэтому, что вселенский собор окончательно солидаризирует англикан с православными, хотя, разумеется, и не в смысле «соединения». С католичеством и протестантизмом востоку стовориться труднее. Правда, католичество по существу всего ближе православию по своему церковному укладу. Но у Рима с Константинополем столько исторических столкновений, что время их еще не сгладило. И несмотря на примирительную политику папского престола последних лет, католицизм не оставил еще своих старых позиций, а Восток не изжил своих предубеждений против всего «папистского». Тем не менее имеется огромный импульс, толкающий Восток и Запад на взаимную уступчивость. Это — международное антирелигиозное окружение, одинаково угрожающее католическому и православному фронту. Под давлением такого окружения и строптивый Рим может подать руку своему восточному сопернику. Разве только Рим не захочет выпустить из своих рук инициативы, которую он привык иметь, и счет не своего достоинства итти на зов Константинополя. Не даром папа заговорил тоже о вселенском соборе, и католичество начинает мобилизоваться для этой очередной задачи. Но Рим отлично знает, что если он не сделает шаг

к Востоку, то и Восток не сделает шага к Западу. А так как шаги эти диктуются мировой христианской конъюнктурой, то папские легаты не будут неожиданными гостями на Афоне.

Что касается протестантских исповеданий, то их тяготение к всехристианскому единению не подлежит сомнению. Оно идет со времен Лютера и Кальвина, а в наше время наглядно выражается в факте созыва международных христианских конференций по инициативе именно протестантских деятелей. Последняя Стокгольмская конференция была наиболее яркой выразительницей унитарных стремлений; она же указала и почву, на которой ближайшим образом может быть построено общехристианское сотрудничество. С вероисповедной стороны протестантизм, конечно, наиболее радикально расходится с традиционными церквями Запада и Востока. Но он обладает и наиболее значительной дозой терпимости, а вместе с тем ему присущ элемент активной общечеловечности — всего настойчивее требуемый условиями современного христианства. Все христианские Церкви начинают приходить к убеждению, что задача христианизации жизни — первая задача времени. Таким образом, ясно обрисовалась и почва для взаимного сотрудничества всех христианских исповеданий, и крайности протестантизма в глазах Рима и Востока легко покрываются его христианизаторской активностью. Православный, католик, протестант и англиканин, мирно беседовавшие в Стокгольме на общую тему, могут найти общий язык и на Афоне. Вселенский характер вселенского собора потенциально, можно сказать, обеспечен. Как это выразится реально, мы увидим.

Второй факт, выяснившийся на минувших христианских совещаниях, не менее значителен. Центр тяжести христианского дела в современный момент христианское сознание явно переносит на общественные задания. Теоретические церковные вопросы отходят на задний план перед практическими, и внимание сосредотачивается на организации религиозного фронта, в противовес антирелигиозному, в сфере политической, социальной, экономической. Лозунг христианизации жизни охватывает и проблемы семьи, и проблемы быта, и проблемы труда и производства, и проблемы международных отношений. Все, мимо чего до сих пор большей частью проходила церковь, теперь вводится в орбиту ее влияния. Все христианские силы мобилизуются для ударной общественной работы. И мы можем быть уверены, что будущий вселенский собор не минует этого уклона. Какова бы ни была его программа, не в догматической, канонической, богослужебной плоскости только будут вращаться соборные рассуждения. Собор не минует широких, мировых христианских проблем нашего времени; Афон и Стокгольм неизбежно сблизятся друг с другом, несмотря на физическое расстояние. Формы этого сближения мы предугадывать не станем; но не иметь его в виду также не можем.

В нашей русской церковной жизни за год в свою очередь произошли события, значительно изменяющие наше положение пред лицом вселенского собора.

Первым из них надобно считать состоявшийся в октябре минувшего года третий Поместный Собор. Собор этот укрепил новый порядок церковной жизни, установившийся с отменой патриаршества, и выявил отчетливее пред другими православными церквями наше церковное положение. На собор 1923 года, как известно, в заграничных православных церквях установился колеблющийся взгляд, что этот собор был односторонним, революционным, созданным в чрезвычайной обстановке и действовавшим под посторонним влиянием. Питаясь такими сведениями, наши восточные собратия имели повод к недоверчивости и осторожному выжиданию. Тем более, и самый орган высшего церковного управления после Собора 1923 года подвергался изменениям, не санкционированным еще соборным голосом. Собор 1925 года положил конец этой неустойчивости. Созванный в спокойной, нормальной обстановке, с соблюдением всех канонических условий, этот собор, подгвердив основные постановления собора 1923 года и в то же время исправив их недочеты, сообщил полную твердость новой линии церковного поведения и синодальному церковному управлению. Если теперь синодальная церковь предстанет на Вселенском Соборе, то она предстанет с полным сознанием своей правомочности и с исчерпывающей реабилитацией всего происшедшего у нас с 1922 года. После собора 1925 года у людей в трезвом уме не может также оставаться сомнений, что нелепо говорить о каком-либо

отступлении от православия так называемых обновленцев. Заграничные Антонии, Евлогии и Платоны могут, конечно, распускать всякую клевету из-за угла или изрыгать площадную брань (как Антоний в своем послании); но явиться с таким багажом на соборе даже им довольно трудно.

Вторым событием нашей церковной действительности является передышка, происшедшая в самом анти-синодальном, тихоновском лагере. Низложение Тихона в свое время вызвало взрыв недовольства и протеста, как якобы дело революционной церковной группы. Теперь все видят, как несправедлива подобная оценка. Прошло три года — и сам тихоновский епископат был вынужден прибегнуть к такому же низложению «местоблюстителя патриаршего престола», т.-е. Тихонова преемника. Очевидно, в тихоновщине есть нечто роковое, и этот рок не в чем ином, как в ее действительно антицерковном, политическом характере. Петр пошел по стопам Тихона и кончил немного лучше. Органическая болезнь тихоновщины выявляется наружу все откровеннее, и правда церковного движения 1922 года становится все очевиднее. Когда собор 1923 года произносил свой суд над Тихоном — сколько было негодующих. Но теперь история судит тихоновщину — это, пожалуй, будет убедительнее. А поскольку самый наш существенный церковный вопрос — вопрос нашего церковного разделения — связан с вопросом о «тихоновщине», постольку все, проливающее на нее свет, прольет свет и на наше русское дело в глазах Вселенского Собора.

Таким образом год отсрочки Вселенского Собора не остался безрезультатным для его перспектив, как в общехристианском, так и в нашем русском масштабе. Наш Поместный Собор поставил поручить нашей делегации на Вселенский Собор, если окажется возможным таковую снарядить, представить собору подлинное освещение последних событий в нашей церкви и постановления Соборов 1923 и 1925 г.г., касающиеся брачной дисциплины клира. Легко понять, что не последние, а первый пункт является центральным. Вопросы о брачном епископате и второбрачии клириков, столь злободневные у нас, едва ли окажутся злободневными на Афоне. И к ним собор может отнестись с достаточным спокойствием. Но вопрос о законной высшей церковной власти в русской церкви может для отцов Вселенского Собора приобрести неожиданную остроту — и здесь-то скажутся, без сомнения, как наши последние достижения, так и упомянутое взаимоотношение Стокгольма и Афона.

Мы достигли укрепления нашего нового церковного порядка, выявления тихоновской болезни. Это наш плюс, но вместе и новый повод озлобления для нашей церковной заграничной эмигрантщины, у которой развязаны руки для самой беззастенчивой агитации против обновленческого движения. К каким приемам она прибегает, можно судить по тому, что заграничные эмигрантские газеты в прошлом году, захлебываясь, печатали грубо-подложные «протоколы» Св. Синода, из каких явствует, что синодальные члены — сотрудники «Безбожника» и т. п. После октябрьского собора травля эта еще усилилась. Антоний Храповицкий, видимо, позеленел от злости и впал в полное исступление. Катастрофа с Петром Крутицким, духовным агентом заграничной эмигрантщины, подлила масла в огонь. Можно представить, что клика Антония и компании постарается к Вселенскому Собору распропагандировать на свой лад западные и восточные церковные круги. Конечно, ей бы и не поверили...; но нужно помнить, что Антоний и комп. — бывшие дорогие гости в Лондоне, где они вместе с английскими друзьями плакали о «большевистской опасности», что их слеза упала и в Стокгольме. И вот тут-то рисуется возможность таких настроений и на Афоне, которые сделают русский церковный вопрос своего рода злобой дня и придадут ему определенную окраску.

Положим, собор — не конференция, и не юбилейные торжества, и интриги эмигрантов могут встретить надлежащий отпор общесоборного разума. Но лучше учитывать все обстоятельства и, отправляясь на Афон, если это случится, не забывать ни Лондона, ни Стокгольма. Вселенский Собор в данный момент для русской церкви более значителен, чем когда-либо. Тем серьезнее и откровеннее становится задача участия в нем.

Проф. Б. Титлинов.

Впечатления иностранца от современной церковной Москвы.

От редакции.

Под настоящим заглавием мы печатаем выдержки из статей М. Д'Ербиньи, директора восточного института в Риме, напечатанных во французском журнале «Études Revue Catholique D'Intéret Général», в декабрьских книжках 1925 года, под названием «Шестнадцать дней в Москве».

М. Д'Ербиньи приезжал в Москву специально ознакомиться с положением церкви и присутствовал между прочим на Третьем

Поместном Соборе 1—10 октября. Свои впечатления от Собора и синодальной церкви он описал подробно в других статьях, которых пока мы не имеем в своем распоряжении. Печатаемые выдержки относятся к тихоновцам и антониновцам и тем более интересны, что принадлежат совершенно нейтральному, незаинтересованному в наших церковных разделах лицу.

Верные патриарху Тихону.

Начнем с той православной организации, которая чтит память патриарха Тихона. Она олицетворяет верность русскому прошлому. Из всех религиозных организаций это тот, который больше всего потерял во время революции. Десять лет назад был всемогущ, теперь же очень стеснен. Покровительствуемый самодержавием, он его благословлял. Обе власти единодушно объявляли друг друга нераздельно необходимыми для России, основанными на божественном праве, одинаково обеспечивающем нерушимость им обоим: православие и самодержавие являли собой как бы два аспекта, почти неотделимые от русской национальности. Все просвещение — официальное и религиозное — было обязано развивать этот постулат.

Надо было ожидать, что после такого смешения, длившегося в течение веков, оба учреждения одновременно утратят свою популярность. Поразительнее всего то, что одно из них могло пасть, не увлекши за собой другого. Фрондирующее отношение сливок интеллигенции, их презрение к духовенству, было своего рода политической оппозицией. Императорский двор пал жертвой религиозно-политических интриг, символизированных в глазах Запада именем Распутина. Если бы исторические события следовали законам логики, то внезапная гибель династии должна была бы повлечь за собой и крушение православной иерархии. Но нигде, а в России меньше, чем где бы то ни было, жизнь не применяется к математическим формулам.

В 1917 году православная иерархия была спасена группой верующих мирян, поспешивших немедленно созвать всероссийский собор. Было уже писано, и я сообщал в другом месте, чем был этот собор 1917 г. Начавшийся 15 августа, он был протянут несколькими более настойчивыми своими членами до середины 1918 г. и выработал уложение, обширное и чрезвычайно кропотливое. Главным актом этого собора было восстановление патриаршества, родившегося в самом конце XVI в., и уничтоженного Петром Великим после смерти патриарха Адриана в 1700 г. В продолжении более двух столетий Святейший Синод владел наследием патриарших прав. Тем не менее Собор объявил, что каноны требуют восстановления патриаршества, и в тот день, когда большевики после жаркого уличного боя овладели Москвой, он вынул жребий одного из трех кандидатов, указанных большинством голосов. Так был избран патриарх Тихон.

Итак, в тот день, когда диктатура пролетариата, торжествуя в Москве, укрепляла свою победу над аристократией, в России родилась другая единоличная власть, символ жизненности старых русских устоев — как в глазах политиканов, так в глазах и верующих. Многие не скрывали истинной природы своей надежды: патриаршество, объединяя православие, подготовит день, когда возродится самодержавие и, как некогда патриарх Филарет помазал и венчал на царство своего сына Михаила, первого царя из рода Романовых, так придет и день, когда патриарх возложит венец на главу самодержца из той же династии.

Тот русский прелат, чья пылкая убежденность больше всего содействовала восстановлению патриаршества, Киевский митрополит Антоний Храповицкий, получил большинство голосов, как первый кандидат на патриарший престол. И ни в 1917 г., ни после того, в своем изгнании, преосвященный Антоний не скрывал своего мнения о необходимости союза православия и самодержавия, вверенного Богом одному из Романовых: публично и официально он покровительствует кандидатуре вел. кн. Николая Николаевича на всероссийский самодержавный престол.

Эти красноречивые декларации, возможные лишь в изгнании, награждаются там аплодисментами эмигрантов. А в России получили другой эффект. Народные комиссары тщательно отмечали эти пламенные речи: *habemas confitentem reum*, самый видный после патриарха иерарх признавал и заявлял, следовательно, что

православие отождествляется с самодержавным царизмом, с реакцией, с контр-революцией. В разгар гражданской войны, когда малейший намек на заговор, или призраки антиреволюционности приводил к высшей мере наказания, митрополит Антоний оказал услугу антирелигиозным главарям. В этих условиях патриарху Тихону требовалась тонкая осторожность и много ловкости, чтобы спасти патриаршество, иерархию, православие. Энтузиазм некоторых приверженцев для него был также опасен, как и шумные манифестации некоторых изгнанников. Заточенный в Донской монастырь (в одном из предместьев Москвы) патриарх в конце концов был выпущен на свободу. В несколько приемов публично и торжественно он заявлял о своей несолидарности с прелатами эмиграции. Тем не менее эти последние очень взволновались документом, появившимся тотчас после его скоростной смерти, на Святой неделе, в ночь с 7—8 апреля 1925 г. Эта длинная записка, напечатанная в «Известиях», говорят, представляла собой последнюю волю патриарха: после резкого выпада против католиков, патриарх завещал православным почтительное повиновение Советской власти, затем долго распространялся насчет ошибок эмигрантских епископов, аннулировал все их акты и увещевал их подчиниться суду, который вскоре учредит собор русского православия.

Эмигрировавшие епископы поспешили заявить, что документ этот апокрифичен. Некоторые признаки благоприятствовали их точке зрения... Стиль этого «завещания» был очень плохой, помечено оно было датой по Григорианскому календарю, а главное, подпись, сделанная в самый день внезапной кончины патриарха от грудной жабы, сопровождалась указанием: «Написано в Донском монастыре 7 апреля 1925 г.». А в этот день, 7 апреля, как и в предшествующие 5 недель, патриаршая резиденция была не в монастыре, а в клинике. В виду изложенного, а также и на основании неприятного содержания текста, митрополит Антоний поспешил объявить документ подложным, редактированным «Советами», с целью запятнать память патриарха «мученика».

Между тем «Известия», публикуя документ, заявили, что получили его непосредственно от душеприказчика патриарха, митрополита Петра Крутицкого, которому усопший завещал окормление своих верных и звание «Местоблюстителя патриаршего престола». И действительно, завещание было выпущено с декларацией о подлинности его, подписанной этим митрополитом Петром и засвидетельствованной другим, находившимся в Москве, епископом Тихоном Уральским. Несколько недель спустя, новая нота тех же двух митрополитов, опровергла сомнения, подтверждала подлинность документа. Даже среди эмигрантов, несколько тихоновцев, сначала шепотом, а затем и громко стали говорить вслед за профессором Карсавиным, что текст несомненно автентичен и что опорочивающие его улики ничего не доказывают. Суровый стиль и даты Григорианского календаря встречаются и в других актах, безусловно исходящих от патриарха и формально принятых эмигрантами, как, например, осуждение русского митрополита в Варшаве за организацию им в Польше с благословения и формального одобрения Константинопольского патриарха автономного православия (или автокефалии). Относительно указания монастыря, как места написания завещания, ответ был прост: патриарх считал себя выздоровевшим, должен был выписаться из клиники накануне того дня, который окончился его внезапной смертью: составив завещание в начале поста, в клинике, он его подписал и датировал тем днем, в который рассчитывал возвратиться в свою обычную резиденцию. В виду таких фактов, митрополит Антоний стал от имени эмигрантской иерархии публиковать письма и воззвания, в которых набрасывал тень подозрения на митрополита Петра Крутицкого. «Видите, — писал он, — в какие руки попало

православие и память патриарха Тихона». Он прибавлял, что православие перестает существовать в России и найдет себе убежище только в эмигрантской иерархии. Он возвращался к своему проекту узаконить то, что фактически уже существовало пять лет: объявить автономию (или автокефалию) русского православия за границей с патриархом-изгнанником, в имени которого можно было не сомневаться.

Эти намерения, в течение пяти лет неоднократно обнародованные в синодальных заседаниях и соборных с'ездах, особенно в Карловицах (в Сербии) нравились не всем эмигрантам и даже не всем их епископам. Преосвященный Антоний был об этом осведомлен и 12 сентября 1925 г. «Возрождение», главный орган русских монархистов в Париже, опубликовало письмо митрополита Антония, в котором последний признавал, что Местоблюститель патриаршего престола Петр Крутицкий был законно назначен патриархом Тихоном, «так как большее число епископов к нему присоединилось».

Вследствие этого, мне стало интересно познакомиться со взглядами этого Местоблюстителя и получить от него ответ на два вопроса: как он смотрит на положение религиозного дела в России и каково его отношение к эмигрантской иерархии. Но доступ к высшим сановникам Тихоновской иерархии в настоящее время очень затруднен. По причинам, легко понятным и заслуживающим оправдания, они опасаются полиции, посещения журналистов и сношений с иностранцами, могущими их скомпрометировать. Даже адреса их, более или менее, окутываются тайной. Между тем архипастырь одной из главных тихоновских церквей принял 11 октября митрополита Петра Крутицкого, совершавшего торжественное богослужение по случаю приходского престольного праздника. Он-то и дал мне точные указания относительно северо-восточной части Москвы, где в квартале Сокольников находится та «хорошенькая дачка», в которой живет митрополит.

Надо действительно сознаться — и это замечание, которое часто приходит на ум в Москве — надо, действительно, сознаться, что правозерные чрезвычайно щедры к своим пастырям. Коммунистический закон фактически отводит на каждого жителя Москвы 16 кв. аршин жилой площади (несколько больше 11 кв. метров). Эта площадь почти бесплатная для рабочих, оплачивается чрезвычайно дорого бывшими владельцами и буржуа. Дополнительные помещения, потребные по роду профессии, подлежат положительно запретительной оплате, если относятся к так называемой «свободной» профессии, к каковой причислено духовенство. А потому большая часть его — даже епископы разных соперничающих православий — помещаются очень плохо. Однако, московские «верные» для Местоблюстителя патриаршего престола оплачивают «очень красивую дачу». Я проникаю в нее 12 октября по аллеям, уже засыпанным снегом, под оголенными ветвями деревьев Сокольнического парка, где пастух стережет стадо молочных коров, чтобы не разбивались, и созывает их громким криком, если которая-нибудь отойдет в сторону. Дача эта — жилище не роскошное, но комфортабельное, в 2 этажа. Что она может стоить? Я задаю себе этот вопрос, сравнивая ее с тем убежищем, которое лишь по очень влиятельной протекции смог себе найти дипломат одной великой державы Антанты, расположившийся, однако, — за очень высокую плату — в бывшем хлеве, приспособленном под квартиру в три комнаты для туалета одного Московского театра, уехавшей в артистическое турне за границу до 1 января 1926 г.

Митрополит Петр Крутицкий хорошо помещен, но за ним учрежден и хороший надзор. Монах-привратник проводит меня по длинному коридору, заполненному посетителями в ожидательный салон, украшенный с одного бока «красным углом» с традиционными иконами и ритуальной лампадкой, а с другого — неожиданное зрелище — художественной бронзой, большой конной статуей Наполеона I, бюст которого откинут назад, а лошадь книзу протягивает вытянутую шею. Едва я вошел в этот салон, как пожилая очень представительная дама следует за мной и на безукоризненном французском языке предлагает свои услуги в качестве переводчицы той беседы, которая сейчас завяжется. И так как я отказываюсь, она почти немедленно наводит меня на мысль посетить собрание главы красной иерархии экс-митрополита Антонина, которые у него идут всю эту неделю с 11—17 октября. Я воспользуюсь указанием, чтобы понаблюдать состояние того, что было Живой Церковью, а теперь умирает, называясь церковью Возрождения. Но когда я сяду в последнем ряду этого собрания, я на первых местах увижу ту же пожилую даму, предлагавшую быть моей переводчицей, и которая в тот момент, когда я покидал ее, отклонив ее предложение, заверяла меня, что она верная православная «истинного православия». Это же впрочем говорят все верующие и все духовенство всех соперничающих группировок.

Но при таких условиях я не удивляюсь, что митрополит Петр стремится избежать беседы. В ком он может быть уверен? Он извиняется. И именно сегодня он чувствует чрезвычайное утомление. В следующие дни он возглавляет ряд религиозных служб недели «Покровки», празднование которой у русских начинается с 1 октября, точнее со всенощного бдения 1 (по старому стилю). Я его прошу указать мне почтенное лицо, епископа, или архиепископа, заслуживающего доверия и которое могло бы меня осведомить от его имени. Когда я сказал: «лучше всего, если бы кто-нибудь из иерархов говорил по-французски, немецки, английски, итальянски», — он мне ответил: «Это невозможно. Я не знаю никого, кто бы понимал, или говорил на каком-либо западном языке. Мы все знаем только русский». Несмотря на размышления, подсказываемые этим ответом, я настаиваю: «Не соблаговолит ли Высокопреосвященнейший Владыка указать мне одного из своих викариев (или помощников) или другого какого-либо компетентного прелата, оставя вопрос о языке на втором плане. Мы будем беседовать по-русски, но мне хочется знать точку зрения Вашей иерархии и Вашей церкви». Наконец, одно имя мне названо... Это епископ Варфоломей, пользующийся особым доверием митрополита. Но адреса его не дают: я его найду в церкви Высоко-Петровского монастыря, где он служит.

Эта скрытность и сдержанность легко объяснимы, и я снова отдаю себе в ней отчет, покидая дачу... Но я ожидаю встретить то же затруднение у епископа Варфоломея. Действительно, когда я являюсь в главную церковь монастыря, младший персонал мне подтверждает, что иерарх будет служить литургию, назначают час ее, но решительно отказываются указать квартиру, где он живет. И тут я извиняюсь и понимаю их сдержанность... По дворам и садам, девочки-подростки в красных косынках играют и бегают с мальчиками, пытаются взлезть на колонны храма, или упражняются в гимнастике и ловкости на верхней площадке церковных лестниц. И церковный персонал имеет полное право не доверять иностранцу, который может оказаться врагом.

Когда я вернулся вечером к длинной вечерне, а затем утрени праздника Покрова, епископ восседал в глубоком кресле, напротив маленького бокового алтаря слева от клироса, по сю сторону иконостаса. Священнослужители и монахи часто обращаются в его сторону, кадят ему и делают низкие поклоны, поклонившись предварительно иконам. После четырехчасовой церемонии я хочу подойти к нему, но один из монахов приходит в ужас и явно воображение его поражено призраком покушения.

Здесь, как и в других церквях, у меня достаточно времени, чтобы порадоваться перед Господом за народную набожность. Везде, каковы бы ни были священнослужители, настроение народа остается сосредоточенным. Около десятка монахов принимают участие в службе. Женский хор чередуется с мужским и это кажется мне странным новшеством, объяснение которого мне не удалось получить. Равно и часть ритуальных чтений поручена женщинам, иногда очень молодым, сменяющим басы старых псаломщиков. Что это — секуляризованные монахини? Может быть. В продолжении этих долгих часов толпа не перестает расти, часто скучивается перед образами, крестится, низко кланяется, становясь на колени, и передает из глубины маленькие, очень тоненькие, желтого воска, свечечки, которых все больше и больше горит перед иконами. Эти десятикопеечные свечки и лампадки, горящие небольшим пламенем, являются теперь единственным освещением этого храма, где не стало отблесков золотых и серебряных окладов. В этом сумраке толпа слушает, крестится, иногда толкается, или жалуется на толкотню. Есть мужчины всех возрастов и состояний, стоят дети, которые карабкаются и тянутся, чтобы приложиться к низу к иконам. Ибо, хотя в школах всякое коллективное обучение детей катехизису воспрещено, родители тем не менее могут религиозно воспитывать детей и водить их к службам.

Однако, большинство духовенства старого режима не имеет привычки проповедывать закон Божий, или обучать ему. По мнению тихоновских епископов, в Москве пассивность теперь необходима более, чем когда-либо: предвидеть, или подготавливать условия религиозной будущности было бы, по их мнению, узурпацией права Провидения, высокоумие, не совместимое с верой и надеждой. «Господь печется о Церкви Своей и нам надо предаться воле Его», — сказал мне один из младших.

Есть ли эта систематическая пассивность высшая добродетель в глазах тихоновской иерархии? Это можно думать, судя по словам тех, которых я мог посетить в Москве. Эта пассивность не мешает мечтам, тем более пламенным, что воображение лишено всякого контакта с внешним миром. Потому что Стокгольмский с'езд почтил память патриарха Тихона, он истолковывается ими, как образ и пророчество. Скоро протестантский мир коленопреклоненно покается перед православными и попросит крещения и

всех таинств у Московского патриарха. Когда я робко замечая, что ни французские кальвинисты, ни лютеране Германии, или даже Швеции, не решали и даже не проектировали просить крещения, или распоряжений у патриарха Тихона, мне с трудом удается пробудить некоторое сомнение в уме моих собеседников. «Не ваш ли папизм мешает вам видеть неминуемое подчинение протестантов власти будущего Московского патриарха? Не признают ли сами себя не которые из этих протестантов православными?». Поверили ли моим объяснениям, что это слово имеет в Германии совсем другое значение, чем в России. «По крайней мере,—снова продолжает свою мысль один из тихоновских епископов,—англикане готовы вернуться в православие и просить церковь о принятии их». — «Простите, досточтимый Владыко, но если вы так ставите вопрос, то я сомневаюсь, чтобы вы нашли сто англикан, или даже хотя бы только десяток, которые попросили бы вас принять их в Церковь, очень немногие захотят отречься от англиканства, чтобы перейти в православие». Но вдруг я постигаю сомнения православных относительно совершения таинств у англикан. «С нас довольно русского языка, как довольно русской церкви,—гордо сказал мне один из этих тихоновских епископов. История других стран не должна им казаться более полезной, чем иностранные языки. В необыкновенную путаницу сбиваются в голове одного епископа-монаха имена и даты. Английский архидиакон Вильям Пальмер, совершивший путешествие в Россию между 1840—1842 г.г., более или менее отождествляется, или смешивается с Паркером: «Это он передал законные полномочия епископам Елизаветы в момент так называемого Флорентийского Собора в знак протеста против новых претензий Рима» (sic!).

Эта компетентность в истории характеризует и грубые нападки и на папизм. Они и выполняются без злобы, но с полуулыбкой в ответ на мою сердечность. Я высказал сочувствие духовства и верующих на Западе к страданиям души в России, а в ответ мне были прочитаны 3-й канон Второго Константинопольского Собора и 28-й Халкидонского: «вот где осуждение претензий Папы на иные права, кроме почетного первенства и его объявления о своей непогрешимости». Одним словом, я разбиваю эти доводы, отсылая собеседника к историкам официального православия. Посмотрев на столе, нахожу и раскрываю на нужном месте книгу профессора Болотова, страстного противника Рима, который, однако, у св. Льва признает доктрины Ватиканского Собора. Один из епископов опасается, что я явился «чтобы пожинать на заброшенной ниве русского православия», или может быть стать миссионером, приняв восточный обряд. Он пугается этого, потому что у меня не совсем выбриты волосы, как у польских ксендзов, которых он знает. «Эти волосы (а они короче 3 сантиметра) разве не доказывают, что вы собираетесь носить их длинными, как мы, для привлечения народа». Тут он привычным жестом, свойственным многим русским епископам, извлекает карманный гребень и приглаживает свою роскошную растительность, мягкие каштановые локоны которой развеваются до пояса.

Мне до этого далеко с моими 2—3 сантиметрами, не компенсирующими успехов облысения. «Уверю Вас, Ваше Преосвященство, что оставшиеся у меня волосы не достаточно длинны, даже, чтобы спасти меня от насморка». Широкая улыбка и глубокий вздох облегчения приветствуют мою декларацию. Дело в том, что этот вопрос о волосах — я говорю серьезно — относится к числу трех или четырех, которые в наши дни серьезнее всего заботят умы иерархии и верных преданию в России и на всем Востоке. Борьба против Грегорианского календаря и принуждение всего православного духовства оставаться «назаремами», к волосам и бороде которых не касаются ножницы, — вот два главных вопроса будущего Вселенского Собора и Соборов Поместных для охранителей православия.

На этих двух пунктах — волосах и календаре — тихоновская иерархия сходится с эмигрантской, но вступает в непримиримый конфликт с «обновленцами», о которых будет сказано дальше. Перед народом тихоновцы бросают обновленческим епископам два главных обвинения: «они уже не православные, они уже не русские, потому что пользуются новым календарем, а главным образом потому, что разрушают в себе Божие дело, укорачивая длину волос и бороды, которую Провидению было угодно назначить для них». Один из тихоновских епископов показывает мне отрывок декларации к православному народу, подчеркивая хорошо отточенным ногтем последнюю строку. «Придет день и они покаются,—говорит он.—Обстоятельства их заставят. Но для епископов эмиграции это более сомнительно».

«Разве они должны принести покаяние?»

Меня окидывают подозрительным взглядом. «Знаете вы этих епископов эмиграции? Не они ли вас подослали?» Я успокаиваю

своего собеседника и он излагает свою мысль с холодной жестокостью, которой я от него не ожидал. «Эти епископы, эти митрополиты,—говорит он, снова запнувшись,—истинные виновники несчастий православия: когда плоды их старой политики созрели, они продолжали думать только о себе, о своих интересах, своем тщеславии. Ни слова для спасения царской фамилии, которую они же сгубили, но состояние честолюбия, для того, чтобы воспользоваться наследием ее власти, став сами патриархами. Разочарованные избранием набожного святейшего патриарха нашего Тихона, они без его благословения оставили свои епархии, уехали за границу, говорили и действовали против его воли, против его повелений; они организовали синод и собирали Соборы, несмотря на его запрещения. Патриарх сначала их предупреждал, затем обличал, осуждал, но они ничего не слушали и ничего не понимали. Он умолял их не подвергать неприятности всех православных России. А они думали только о себе, о своих непосредственных успехах, о будущих выгодах».

Епископ остановился, уставясь в пространство, а я обернулся к иконе Пресвятой Девы. Я уважал его молчание. Вздыхнув, снова: «и ч е г о», сказал он; Он опять остановился, а затем продолжал. «Так как вы возвращаетесь за границу, надо, чтобы Вы это знали и высказали: на этих епископах лежит ответственность за казни осужденных священников и епископов. Патриарх нам говорил: «в особенности не будь Х. (Храповицкого), многие избежали бы ареста, многие остались бы в живых. Если они будут продолжать, они убьют православие даже среди эмигрантов». Как ни старался отмежеваться от них патриарх, власть и даже многие верующие до сих пор думают, что была лишь уловка. Мы впрочем различаем эмигрантов от эмигрантской иерархии. Если Вы будете печатать какие нибудь заметки о своем путешествии, объявите пожалуйста, что ни патриарх Тихон, ни Местоблюститель патриаршего престола не солидарны с иерархией Карловиц».

«Тогда опубликованный против них документ в «Известиях» вполне автентичен? Это произведение патриарха? В нем хорошо выражена его мысль?».

«Да, это ясно. Патриарх их уже предупреждал, он печатал и другие порицания. Он объявил, что подвергнет их суду. Они продолжали. Он спешил выйти из клиники, чтобы предотвратить новые беды русскому православию и напечатать осуждение в тот же день, как возвратится в Донской монастырь».

«Преосвященный Владыко, у меня есть некоторые сомнения относительно опубликования такой декларации. Я расскажу, что видел и слышал в Москве, но тут это имело бы вид, что я сторонник...».

«Нет, Вы скажете, что слышали. Расскажите также, что эмигранты будут говорить против нас. Но—обязательно скажите это; я вас прошу ради Христа. Ибо для веры христианской и для душ человеческих здесь нет большей опасности, чем связь с контр-революционной политикой».

«А Ваши жалобы на обновленцев?»...

«Вы их знаете. Их четыре: две, которые больше затрагивают народ,—вопросы календаря и волос—и две более существенные. Они признали брачный епископат и организовали свой раскол, хотя патриарх отказал им в благословении. Мы не можем общаться с ними. Мы ждем. Англикане оказывают нам большую симпатию».

«Разве Вы не боитесь, хваля англикан, что обновленцы используют авторитет их примера? Англиканские епископы женаты. И они тоже не получили благословения своего патриарха—того, Римского,—для того, чтобы организоваться».

«О, Папа! Об'единение Востока и Запада—мечта. Разве только папа покается, чтобы быть принятым в Церковь. Если он попросит восточных патриархов»...

«Каких патриархов? Константинопольского? Дорогой Владыко, он почитает Вас и всех верных патриарху Тихону за схизматиков и отлученных. Александрийского? Он только что умер в Швейцарии после Стокгольмских собраний, и один из Ваших коллег мне сказал, что это наказание Божие за союз с лютеранами и кальвинистами»...

«Антиохийский и Иерусалимский», настаивает он.

«Да разве это возможно, Владыко? Они—судьи православия? Эти ремесленники вселенского единства Церкви? С их крошечными и партийно раздробленными паствами? Без Англии банкротство и преследование их викариев одно бы уже согнало их с престолов».

Тогда в глубине души, серьезно и скорбно, я резюмирую эту длинную конференцию, продолжавшуюся два часа. Я говорю епископу так много говорившему и другим, которые молчали: «Простите меня, я не для того приехал, чтобы спорить, но чтобы

выразить христианскую любовь, чтобы сказать, что молитва нас, Западных, присоединяется ко всем тем, кто у Бога просит сохранения христианской веры в русском народе, и развития правды и всяческой добродетели в душах. Не говорите об унии, имя которой принимает для Вас одиозный смысл антинациональной политики. Для вселенского единства Церкви и любовного служения Христу нужна не политика и споры, но молитва и смиренная любовь к Богу и братьям. Во время литургического служения и в наших молитвах к Матери Божией мы можем просить прощения наших согрешений и просить, чтобы верующие во Христа перед миром, как и перед Богом, явили свое единство».

«Да, это хорошо».

С любезной улыбкой он протягивает руку, но не предлагает братского целования, которого требовали многие другие епископы и русские священники различных партий.

Удаляясь, я пытаюсь синтезировать то, что я заметил среди разных епископов, протоиереев, простых или митрофорных, священников, монахов и верующих тихоновской иерархии. В народной массе я нахожу твердое желание пребывать в русской традиции, рассматриваемой как выражение, совершенной воли Божией. В Москве в особенности, большинство верующих посещают церкви, где службы отправляются тихоновцами. Исчезновение патриарха отняло у них главный элемент их престижа, но воспоминание живет. Личность Петра Крутицкого более спорная: непримиримые ставят ему в вину его поздний постриг, после революции, побывав красным чиновником по службе культов при Керенском, и соблазнительно быстрое возвышение—всего в шесть лет—с подчиненного светского поста на высшую ступень иерархии. Баре, впадшие в нищиту, но привыкшие осуждать церковных людей, говорили мне об этом местоблюстителе патриаршего престола со всем презрением, которое могут исповедывать Русские по отношению к епископу, у которого они набожно испрашивают благословения. Народ так далеко не ищет: он молится в церквях Василия Блаженного, Харитония, Феодора Студита и всех древних монастырей; там он прикладывается к иконам, лобызает почву перед большими крестами монастырей Страстного, Никольского, или Чудова. Догматы его не тревожат. Большинство простых людей желает иметь священников с бородой и длинными волосами, иерархию, епископы которой были бы монахами, придерживались безбрачия.

Многие священники приспосабливаются к настроению прихожан. Они определенно говорят, что стоят вне политики и что

иерархические конфликты их не касаются, но договор, связывающий их с паствой, обеспечивает им хлеб насущный—им самим, жене и детям—только лишь если они будут держаться направления, избранного приходским советом. Я был искренно тронут, убедившись в реальной самоотверженности некоторых: один из них, чтобы не обременять верующих, предоставляет их заботам одно содержание церкви, а семью содержит столярным мастерством, или ремеслом стекольщика. Узнав, что я иду посетить его церковь—одну из самых древних в Москве,—он велит мне передать, что сейчас придет мне ее показывать. Скоро он приходит, надев свою рясу, нежно меня целует и с благодарностью говорит о вспомоществовании его семьи Ватиканской комиссией помощи голодающим русским. Это, действительно, душа, исполненная христианской любви, истинно русское сердце и слова, которые он говорит мне на ухо, меня глубоко волнуют: он верит и любит.

Мне бы хотелось найти ту-же нотку у тихоновских епископов. Бог один испытует сердца, но внешность их сухая, юридическая, жесткая. Они хотят, чтобы все другие совершили покаяние. Епископы эмиграции?—Прокляты они, пусть покаются.—Епископы обновленческой иерархии?—Дважды прокляты, пусть покаются.—Западные епископы, находящиеся в общении с папой?—Трижды прокляты, пусть покаются.—Протестанты?—Прокляты.—Раскольники и русские старообрядцы?—Прокляты.—Евреи?—Проклятие на проклятие. Для них нет покаяния... Как эти пастыри просвещают свою паству?—«Заменяете-ли Вы катехизис проповедями?—Теперь, не более, чем прежде.—Есть у Вас семинарии, духовный журнал, как у ваших соперников?—Нет, мы ждем.—Но антирелигиозная пропаганда?—Она у нас отменяет юношество.—Итак?—Мы ждем...—Но разве Вы не теряете таким образом под собою почву?—В провинции, да, в Москве мало».

Терпение русского народа и его верность своим пастырям замечательны. Особенно если принять во внимание соперничество епископов внутри тихоновской иерархии. Я предпочитаю не говорить об огорчениях, которых я не мог обследовать. Но есть вражда и ненависть, которые становятся публичным достоянием. Корреспонденту одного из больших западных агентств крупный Советский чиновник, говорят, сказал: «Если-бы мы арестовали всех тех, на кого доносят собратья одной и той-же партии, ни одного русского священника не осталось бы на свободе». Враги тихоновцев довольствуются их взаимными друг на друга доносами.

Митрополит Антонин.

У экс-митрополита Антонина уже нет ни престижа, ни влияния. Архиепископ старого режима, в свое время пользовавшийся покровительством Великих Князей, затем красноречивый оратор, он попытался властвовать на Соборе 1923 г. и стать во главе русского православия. Но ему не удалось. Теперь это развалина. Он мечтал председательствовать на новом Соборе. Но незначительное число его приверженцев сократило его претензии: по его собственному признанию, публично им прочитанному, его «Всероссийская Ассоциация Церквей Возрождения» признается всего лишь четырнадцатью приходами. Это немного для всей России. Да и едва-ли эти приходы насчитывают много прихожан. Пока я пишу, передо мной лежит красный билет, купленный мною вечером 12 октября за рубль, чтобы иметь право входа в церковь, где происходят заседания с'езды «Возрождения». Напечатанный на машинке и подписанный председателем, он дает право «участвовать во второй Всероссийской сессии группы Церквей Возрождения и голосовать резолюции». И в этот второй вечер не было роздано ста билетов; мой билет, предназначенный одному Владимирскому делегату, был занумерован 148, но много предшествующих номеров еще осталось на руках у распределявшего билеты.

Собрания Антонина происходили в церкви знаменитого Заиконоспасского монастыря, находившегося близ Кремля, в нескольких шагах от Красной площади и памятника Ленину, на верху высокой деревянной лестницы, в первом этаже. Стеклопанельная дверь отделяет церковь от деревянного помоста, на который она открывается. Несколько любопытных приходят взглянуть, потом уходят. Я плачу за билет и вхожу. Церковь, иконостас и скамьи белого дерева. Она маленькая, квадратная, еще украшенная своей роскошной живописью.

Перед царскими вратами, которые в центре иконостаса, помещается небольшой квадратный престол, украшенный одеждами и литургическими принадлежностями. Слева от престола—попирт; справа—длинный стол и несколько сидений для бюро. Собрание

назначено в 8 часов, но теперь уже 9, а оно еще не началось. Ожидают слушателей. Есть двести мест, но занята только половина. Справа—красные билеты, дающие право голоса, слева—белые, разрешающие только слушать. Справа большинство женщин, а слева преобладают мужчины. Я изумляюсь количеству орлиных носов. Не взирая на приглашение одного заседателя, я упорно сохраняю свое место в заднем ряду, откуда я могу слышать доклады и наблюдать слушателей.

Экс-митрополит Антонин старается изо всех сил, пытается оживить публику остроумиями. На шее у него серебряная цепь со знаком отличия епископов, металлической пластинкой, большей частью украшенной изображением Пресвятой Девы, или пангией. В остальном, его костюм не имеет ничего восточного. Широкая фиолетовая ряса без пояса дополняется длинной пелериной—ибо в виду ее длины ее нельзя назвать мантией—тоже фиолетовой, доходящей до колен. И лицо его тоже лиловатое, в особенности нос, который у него громадный. Неправильная, очень седая борода дополняет грубый характер его физиономии, обычная суровость которая озаряется иногда улыбкой: но и тогда неизвестно, чего в ней больше—добродушия, или презрения. При епископе три священника в черных рясах. Один из них совершенно бритый, ярко выраженного английского типа, повидимому главный советник и почти что ментор Антонина, к которому он беспрестанно обращается. У двух остальных, немного повыше сердца знаки Духовных Академий, маленькие квадратные кресты белого металла, один из них монах. Это—весь штаб Антонина. В этой России, где все секты плодят епископов, ему не удалось удержать около себя ни одного. Согласно отчету, которым он открывает собрание, его «Церковь возрождения» на всю Россию имеет еще одного, второго епископа, но он не явился на общий конгресс. Один епископ, четырнадцать приходов, пять священников—и это все...

Судя по аудитории, редкие прихожане этой Церкви вербуются не в рабочей среде; это скорее легкие буржуа, в особенности сту-

дентки, ищущие религиозных переживаний. Пение псалма по-русски и чтение молитвы предваряют официальный отчет о настоящем составе секты.

Собрание 3-го числа кажется самым типичным. За пюпитром монах доказывает ссылками на святоотеческие и канонические цитаты, что Церковь Христова имеет право исправлять и дополнять литургические молитвы. Разнообразие литургий есть откровение принципа свободы в молитве Церкви. Эта простая истина приводит к заключению: следовательно, Антонин имеет право не рассматривать литургические традиции и царское православие как неприкосновенные.

Антонин встречает это заключение смешками и шутками: быть может он хочет расшевелить задремавшую аудиторию. «Добрейший инок из сил выбивался, чтобы доказать заключение, давно Вам известное и уже давно оставшееся позади. Литургия сделана для человека и следовательно человек распоряжается ею по своему вкусу, чтобы она внушала религиозные чувства».

А другой богослов объясняет это религиозное чувство. В противоположность рационализму католиков и в особенности схоластиков, православие признало религиозное первенство за чувством. Нет недостатков в русских текстах, чтобы воспламенять такую концепцию религии. Докладчик приводит их в значительном количестве, незаметно переходя к текстам сомнительного, двусмысленного характера, опираясь на Песнь песней... Наконец, вот его тезис. Молитвы, жесты имеют небольшое значение; религиозную ценность для человека имеет лишь то, что его глубоко волнует. Признание таинства за веществом, которое будто бы освящает Дух Святой благодаря магическим словам, есть следовательно абсурдная идея, потому что чувству здесь делать нечего. Религиозная идея таинства точно определена апостолом Павлом, который называет только одно: брак. И брак, по апостолу, заключается не в формальном, и может быть холодном да, но в реальном и физическом соединении... Эта тема долго развивается и в выражениях, которых я не сумею передать, Антонин, в свою очередь, вернется к ней и с еще более грубой непристойностью. Тем не менее это едва пробуждает внимание студенток. Повидимому они давно просвещены.

В старой России Антонин имел репутацию епископа с большой эрудицией. Он читал больше многих других своих коллег, окрашивал свои роли известной странностью, которая тогда нравилась. В настоящее время он перестал быть интересным, хотя и старается не быть банальным. Его предложение возвращается к отношениям религии, как он ее понимает, к теориям, распространенным в современной России: он протестует против «всемирного соблазна клерикализма». Почему «поповство» предоставляет священникам совершение таинств? Это одно из нечестивых влияний католичества. Оно отказывает мирянам в чаше, а официальное православие впадает в ту-же ошибку, потому что оно тем-же мирянам воспрещает освещение чаши. Затем идут резкие выпады, изложенные с монотонностью плохого чтеца, против поста и покаяния, ограничивающих жизнь тела, источника истинных религиозных переживаний. Вот почему брак есть образ союза с Богом.

Этот несчастный епископ в рясе и в церкви недостойно распространяется на эту тему. Далее он переходит к упрекам католической церкви: своей проповедью целомудрия она многих молодых людей приводит к celibату, который противуестествен, и не признает Евхаристию «путем материалистического и физиологического объяснения. После того следуют плохо прочитанные едкие обличения против реального присутствия, против реалистического, или «физико-химического и биологического» причащения. Эти беспрестанно повторяемые прилагательные должны придать оттенок научности плохому изложению кальвинистских теорий об Евхаристии. Антонин в ней видит только символ. «Мы пьем кровь Христа также, как мы говорим, что Иоанн Грозный пил человеческую кровь». Дело только в мистическом соединении с Христом. Чтобы усилить вызываемую ею религиозную эмоцию, Антонин служит «литургию Тайной Вечери» только по вечерам.

Вся христианская жизнь, вся догматика толкуется им в непристойном или грубо-кошунственном смысле. «Святую Троицу следует понимать как символическое откровение вечных и божественных истин коммунизма. Разве не учил Христос, что Дух Святой, женский принцип, есть Его второе Я, его alter ego. Но Христос есть коллективная воля божественного и человеческого (sic!): в каждом человеке она проявляется Духом Святым, т.е. нашими врожденными стремлениями ко всемирной симпатии, где человек открыл бы присущее ему божественное, если бы не мешало ему духовенство. Всякий человек — и даже язычник, — Христос, в котором возрождается Бог, чтобы сообщаться с другими в любви, под именем Святого Духа»...

В напыщенных фразах эта нечестивая смесь кантизма, кальвинизма и псевдо-мистицизма в течении часа с четвертью изливается на рдеющую публику, которая засыпает, или расходится потихоньку. Цитатами из Св. Писания и Василия Великого подтверждаются повторяемые беспрестанно уверения, что таково истинное православие, «страшно изуродованное католицизмом и его доктринами о Троице». Действительно, эти идеи не новы у Антонина. Он их некогда изложил, в качестве епископа царского православия, в знаменитом заседании Думы. За его нашуевшую речь он был признан сумасшедшим, отрешен от должности и подвергнут заключению; но вскоре, благодаря могущественному покровительству в царской фамилии, ему была возвращена свобода и власть.

У Антонина больше нет никакого кредита. Верующие ушли от него, и он уже становится непригодным и для работы против их душ. 7-го октября «Известия» приводили, без оговорок, отзыв о нем протоиерея Красотина в заседании Собора синодальной иерархии: «Антонин — шут, специализировавшийся на религиозных вопросах, клоун». Да и как не пожать плечами самим правителям Советов, когда он им «литургически» заявляет: «Мы Вас любим. Пошли вам Бог победу. Многая лета». Антонин больше ничего собой не представляет в России. У него нет ничего общего с многочисленной синодальной (или Конкордатской) иерархией, которая с 1-го по 10 октября провела Третий национальный Собор православных Церквей на территории Советских республик.

Мишель д'Ербиньи.

Из жизни западного христианства.

В Риме продолжается празднование Святого Года. Папа продолжает принимать делегации. В октябре папа принял делегацию австрийцев во главе с монсеньором Зейпелем. В речи, произнесенной делегацией, папа, повторяя слова старого Аттинггаузена, сказал австрийцам: «будьте едины, едины, едины». Об этом единении католиков папа говорил очень настойчиво. 26 октября папу посетили директора международных телеграфных агентств. Папа принял делегацию в сопровождении епископа Доминиона, подарив телеграфным директорам памятную серебряную медаль. Мы видим, таким образом, влияние католичества на общественное мнение путем связи с прессой. Папа, давая благословение телеграфистам, назвал их «Великим голосом мира».

И все же положение папы таково, что Ватикан был принужден заключить заем в Соединенных Штатах. У Национального Банка и у Блэр-Компании в Нью-Йорке от имени папы архиепископ Нью-Йоркский Гайсс занял полтора миллиона долларов.

Большим событием в католическом мире было пятидневное празднование столетнего юбилея алжирского кардинала Лавижери, который родился в Байонне 31 октября 1825 года. На торжество прибыли французские епископы: кардинал Шарост, Вильрабль, Рюмо, Дюрфорт и ряд других. Торжество состоялось в открытии бронзового монумента Лавижери вблизи базилики Божией Матери

Африки. В торжестве приняли участие и африканские евреи во главе с алжирским раввином Дюбиевом.

Кардинал реннский Шарост, воспользовавшись случаем, посетил тунисского бея. Бей, между прочим, похвалился перед папским легатом той медалью, которую получили в Ватикане тунисские пилигримы.

Лавижери, в честь которого были столь пышные торжества, считается просветителем Алжира.

Интересна та приходская работа, которую католическое объединение проводит в ваннском диоцезе. Это объединение связывает между собой 288 приходов. Объединение издает ежемесячный журнал, заводит собственные школы. Организуют религиозные крестные ходы, устраивают паломничества в Лурд.

Посвящает католическая пресса не мало страниц восточным Церквам, давая обзоры их положения. Издаются специальные журналы, например, «Эхо Востока». В Риме существует специальный Восточный Институт, где научно изучается православие. Недавно там один католический ученый защищал диссертацию об учении Св. Кирилла Александрийского о исхождении Св. Духа от Отца и Сына. Во главе Института стоит ученый иезуит, профессор Мишель д'Ербиньи, автор многих трудов о России (например, интересной книги увенчанной Французской Академией Наук о Вл. Серг. Соло-

вье). Мишель д'Эрбиньи, между прочим, присутствовал, в качестве гостя, на третьем Всероссийском Соборе 1925 года в Москве.

Отмечают смерть Александрийского Патриарха Фотия, скончавшегося 72-летним старцем в Лозанне от сердечного припадка.

В Милане 17—25 сентября 1925 г. состоялась «Неделя этнологии религии». Эта конференция католических ученых, изучающих вопросы этнологии, открылась в залах университета Святого Сердца. Конференцию открыл миланский кардинал Този. В первый раз конференция этнологов заседала в 1912 г. в Лувене, вторично там же в 1913 г., в третий раз работала в Тильбурге. Рецензент конференции, профессор по кафедре Св. Писания, Синас, пишет, что никогда, как в наши дни, изучение богословских наук не притягивало к себе такого количества ученых.

Во главе конференции стояли выдающиеся ученые, проф. Пинар-де-ля-Булае, ученый иезуит, автор капитальной работы: «Этюды по сравнительному изучению религий» (книга, которой, между прочим, часто пользуюсь и я) и Шмидт. Конференция главным образом занималась вопросом об эволюции религий и о греко-восточных церквях.

Католики придают большое значение работам своих этнологов: Шмидта, Пинара, Леммонье, Гемелли, Капперса, Шумахера, Вановверберга, Шебеста, Линдворского, Дюбуа, Валензина (все перечисленные лица—священники) и профессоров Шриэна, Вандерле, Лебзельцера и Дефонтена, благодаря трудам которых выяснилась и оригинальность христианской религии.

Нужно отметить, что католические этнологи не только работают кабинетно, но организовали ряд научных экспедиций для изучения религиозного вопроса среди нецивилизованных народов. Так, у негритосов на севере острова Люкон (Филиппины) был Вановверберг, у пигмеев Восточной Африки был Шебеста, в Огненной Земле был Гюзинд, на Конго и в Камеруне ряд других деятелей и т. д.

Заслуживают внимания работы Песталоцци, Баллини, Юнкера, Гальбиати и особенно работы о. Гараньяни и профессора Фрейбург-

ского университета о. Алло. Изучая мистерии христианства и язычества, ученые пришли к выводу, что обычно языческие мистерии носят чисто магический, внешний характер. И что только одному христианству свойственна идея «спасения», резко отделяющая нашу веру от прочих религий. Важна работа монсеньора Батиффоль над анализом текста Нового Завета, работа, устанавливающая значимость идеи смерти Христа за наши грехи, а равно отрицающая взгляды либерального богословия на св. ап. Павла, как на 2-го основателя Христианства. Батиффоль устанавливает, что ап. Павел только раскрыл идею искупления, уже известную синоптикам.

Папа Пий XI с величайшим вниманием отнесся к работе конференции, особенно отметив работу Шмидта и Пинара.

В ближайшее время состоится «Неделя Истории религий».

Католики стремятся не обойти своим вниманием ни одного сколько-нибудь значительного общественного явления. Так, например, столетие существования железных дорог было в Манчестере, громадном индустриальном городе Англии, отмечено торжественной мессой, совершенной каноником Шарроком, произнесшим и подобающую случаю речь.

Любопытны некоторые финансовые сводки, которые публикуют в католической прессе. Только что опубликованы финансовые отчеты трех бельгийских миссионерских организаций. За 1924 г. на дело миссии собрали: Общество Св. Петра—439.491 франков; Общество Св. Детства—940.293 фр.; Общество Проповедания Веры—1.034.438 франков. А всего в Бельгии за год собрано на дела миссии приблизительно 7.000.000 франков. И это только в одной маленькой Бельгии! Влияние католичества сильно и в области политической. Известны священники министры. Таковы: Зейтель, Браунс, Ваш, Ноленс. В Латвии министром иностранных дел состоит монсеньор Рейнис, состоящий одновременно профессором философии Ковенского университета.

Митрополит Александр Введенский.

28/XII 25.

Русская церковь

За границей.

Крупнейшим фактом в жизни русской церкви за пределами СССР последних месяцев надобно признать победу, одержанную представителем Священного Синода в Америке, митрополитом Иоанном Кедровским, в его тяжбе с беженским митрополитом Платоном. Тяжба эта тянулась очень долго. Сущность ее заключается в том, кого следует считать законным правопреемником российской церковной власти в Америке—старых ли ставленников Тихона, или Священный Синод. В Америке, как и вообще за границей, с этим связаны не только чисто иерархические, но и имущественные отношения. Во владении русской церкви на американской территории находятся крупные имущества—церковные здания, дома, участки земли, школы и под. Ценность этих имуществ определяется миллионами, и до сих пор их безнаказанно расхищали и эксплуатировали наши эмигранты во главе с Платоном, ведя за счет своих доходов антисоветскую и монархическую пропаганду. Священный Синод, конечно, в свое время предъявил права на русские церковные имущества, с чем связана и церковно-иерархическая юрисдикция. Но американский суд долго отказывал в признании законных прав Синода. В первой стадии суда судья Форд, как уже передавалось в № 3 «Вестника Синода», решил дело в пользу Платона, т.-е. тихоновцев, основываясь главным образом не на юридических данных, а на своей антипатии к Советской власти. Однако, во второй инстанции, более авторитетной, суд отменил решение Форда и признал законным правопреемником российской церковной власти Священный Синод, как получивший законные права управления от Собора 1923 года, и постановил передать Собор в Нью-Йорке синодальному уполномоченному митрополиту Иоанну Кедровскому, с чем связано подчинение ему и других церквей. Хозяйничанию Платона приходит конец. Ему предстоит выселиться из Соборных помещений и складывать пожитки. На прощание Платон грабит, что только можно, как сообщает Кедровский.

Эта победа Священного Синода пред американским судом важна не только в практическом, но особенно в принципиальном отношении. Суд в Америке, как мы видели на примере Форда, был явно пристрастен в сторону тихоновцев и отнюдь не расположен к «обновленцам». Тем не менее судебная лояльность потребовала

решить дело в пользу Синода. Американские судьи стоят, конечно, вне наших церковных споров. Они смотрят на дело чисто юридически и оценивают, на чьей стороне право с точки зрения церковного права, определяющего церковное устройство известной церкви. И им пришлось, хотя бы вопреки своим симпатиям, признать, что правомочия Синода вполне законы, что Собор 1923 года был законным высшим органом управления русской церкви, согласно конституции собора 1917—1918 г., и что раскольники, отщепенцы-тихоновцы, а не обновленцы. Разбор дела Фордом показывает, что при этом американский суд входил во все наши канонические положения, взвешивал их с правовой стороны,—и результат оказался для тихоновцев неблагоприятен. И хотя гражданский суд—не церковная инстанция, но может быть именно потому его решение в данном случае особо знаменательно. Это решение третьей, незаинтересованной в церковной нашей распри стороны, и оно не может не иметь крупного международного значения в вопросе правомочности нового русского синодального церковного управления.

Можно, конечно, себе представить, какой удар нанесло названное судебное решение нашим американским монархистам, соратникам Платона. Кстати сказать, в Америку перекочевал—кто бы вы думали—главный штаб бывшего «союза русского народа». Здесь он именуется «союзом единства Руси» и ведет оголтелую монархическую пропаганду посредством своей газеты «Правое дело». Платон находится в ближайшем содружестве с «союзом единства Руси», и под его высоким покровительством «Правое дело» бьет в набат по поводу церковного провала. Ратуйте православные! «Злейший еретик и представитель сатаны и советов в Америке (т.-е. митр. Иоанн Кедровский) признан правящим епископом русской православной церкви» («Правое дело» от 28 ноября 1925 г.),—вопиет «союзная» газета. Единственная надежда (но очень слабая) у них—на Верховный Суд. Орган союза призывает «вознести горячие молитвы к Господу», чтобы он «вразумил судей Верховного Суда». А пока что—до неба далеко—монархисты приглашают собрать петиции по всем церквям с протестом против судебного решения. «Все находится в руке Божией. Бог не выдаст, свинья не

с'ест», — смиренно поучает «Правое дело» (ну, совсем, как блаженной памяти Скворцовский «Колокол»).— Будем думать и мы, что не так страшна эмигрировавшая «союзно-русская» свинья...

Мы вспомнили «Колокол» приснопамятного «чиновника особых поручений» царского синода (сейчас он звонарствует в Сербии) не только к слову. Дело в том, что «союзная» газета «Правое дело», украшающая Нью-Йоркскую печать, символически напоминает «Колокол» Скворцова. Читая эту газету, трудно сообразить: что это — церковный или политический орган. Во всяком случае стоит просмотреть один—два номера этого издания, чтобы неопровержимо убедиться в том, что русское тихоновское дело в Америке совершенно сливается с монархической работой эмигрантов-монархистов. Последние не скрывают, а черным по белому пишут, что единственный оставшийся у них объединяющий центр — «святая православная церковь», вокруг которой они и зовут сплотиться всех «подданных» «российского императора» Кирилла. Церковными делами заполнена и почти вся газета. Тут и хроника архиерейских служений и визитация, тут и оповещения смиренного тихоновского епископа Феофила (помощника Платона), тут и слезные воззвания извостного прот. Владимира Востокова, — тут и сведения о деятельности антониевского заграничного синода... Словом, если кто еще сомневался в неразрывном содружестве монархических зубров и эмигрантских тихоновских церковников, тому следует взглянуть на «Правое дело», — и всякие сомнения исчезнут. Надобно думать, что «союз единства Руси» и «Правое дело» и питаются от сосцов церковных. Вполне понятно, что они так ратуют за неотъемлемость церковного достоинства от Платона и комп. Ведь это от них ускользает соска.

На жирной американской почве, удобренной долларами, церковникам-монархистам, видно, жилось не дурно. А вот в Европе их что-то обижают, не дают совершенно распоясаться. В Европе монархизм в чистом виде не авантаж — здесь нужна «демократическая» приправа. По крайней мере на это печальное обстоятельство горько жалуется только что упомянутый прот. Вл. Востоков в том же «Правом деле».

Сей отец протоиерей, как сам он повествует, всю жизнь непоколебимо верил, что «царь—помазанник Божий» «необходим России как воздух». Писал он в свое время и в «Московских Ведомостях», и в «Гражданине», и в «Новом Времени». На соборе 1918 года умолял патриарха (28 янв.) немедленно «позвать народ восстановить на троне законного православного царя». Потом «с благословения п. Тихона», уехал он на юг, был у Деникина, был у

Врангеля, ратовал всюду «за веру православную, за царя-батюшку», но уже пришлось не ко двору. Ратовал он по-медвежьи, неприкровенно, а это было «неудобно». И правительство Деникина на него косилось, и Врангель ему ходу не давал. Тут о. Востоков с горя решил действовать сепаратно и в Крыму стал образовывать «Братство Св. Креста» в духе союзов Михаила Архангела и русского народа. За это его чуть не выслали (он слишком скандализировал «конституционное» крымское правительство), но ему пришлось и самому выехать — вместе с конституционным правительством. Уехал о. Востоков в Сербию и начал было читать здесь патристические лекции и громить «жидов» — опять переборщил и ему запретили. Был на Карловицком Соборе 1921 г. и попал в заграничное «ВЦУ» — и оттуда выжили. Пришлось незадачливому радетелю в конце-концов сделаться скромным учителем в Сербии, но и тут его шпыняли за разговоры про «царя Кирилла». И вот решил теперь о. Востоков лететь на огонек, заблестевший в «Правом деле». Хочет он возобновить деятельность своего «братства Св. Креста» и собирать братьев-крестоносцев для «спасения отечества». Беда одна — нет денег. Зато в Америке их много. Изобретательный отец и сообразил: «через посредство «Правого дела» собирать пожертвования в Америке и вербовать «крестоносцев». «Горячо» взывает о. Востоков к держателям долларов. Многие дадут — не знаем. Хватит ли на крестовый поход? Опоздал только немного. Американские «союзники», если у них уплывут церковные имущества, пожалуй, попридержат свои карманы. Вот, действительно, не везет человеку.

Не один о. Востоков, впрочем, неудачник. Надо признаться, не повезло и нашему Петру Крутицкому. Оказывается, несчастье с ним стряслось как раз накануне счастья, которое его ожидало. «Правое дело» (о уж оно тут не соврет) пишет, что незадолго до третьего поместного собора в России заграничный эмигрантский Синод «имел суждение» о признании Петра «законным местоблюстителем» и решил было повременить с этим делом, так как «через верные руки» сведений о Петре еще не было получено. Но затем скоро, когда получились известия о соборе и о том, что Петр «мужественно отверг» все приглашения обновленцев, Антоний Храповицкий сам предложил признать Петра. (Вот она — награда за «твердость».) Стало-быть, Петру предстояло «законно» «возглавить» тихоновщину, российскую и заграничную: ведь утверждение в сем достоинстве главным образом, зависит от за-границы... А тут-то и постигло его несчастье. Тоже не повезло человеку...

Л.

Как понимать развитие догматов.

Вопрос о т.-наз. «развитии догматов» не так давно (80-ые года) серьезно занимал русскую богословскую мысль.

С новой силой всплыл он на первых религиозно-философских собраниях (1904 — 1905 г.); занимает он известное место и в обновительном течении православной мысли последнего периода.

При этом некоторые богословы особенность православной точки зрения по данному вопросу усматривали в признании догматов неизменными не только по их внутреннему содержанию, но и в их, так сказать, количественной стороне, — в признании совокупности догматов величиной, данной раз навсегда и возрастанью, умножению, изменению не подлежащей и в указанном отношении.

Подобная точка зрения зависит от 1) неправильного употребления богословских терминов (ошибка филологическая) и 2) от игнорирования самых исторических обстоятельств догматической деятельности Церкви, от недостаточного ясного представления самого процесса догматических споров, хода обсуждений спорных вопросов на Вселенских Соборах, приводивших к соборным вероопределениям.

Православную точку зрения на указанный вопрос совершенно определенно выразили выдающиеся богословы-историки Церкви И. Е. Троицкий и В. Болотов, компетентность коих не может подвергаться ни малейшему сомнению.

Опираясь на их бесспорный авторитет, главные положения православной мысли по данному пункту можно выразить следующим образом.

В основе вероучения Православной Церкви лежит Св. Писание и Апостольское Предание.

Те истины Божественного откровения, кои подвергались перетолкованиям или искажению со стороны пытливого человеческого ума, кои вызвали к себе особенное, изощренное внимание церковного общества и — в результате всестороннего обсуждения со стороны представителей православной науки и носителей

живого религиозного опыта святых ее подвижников — получили точную формулировку, — именуются «догматами».

В догмате органически объединились сверхъестественная и человеческая стороны божественного откровения, при чем на долю человеческой стороны самостоятельности приходится формулировка истин божественного откровения в понятиях и терминах известной исторической эпохи, но при том так, что в такой формулировке эти истины находят свое возможно совершенное, всестороннее и точное выражение.

Со стороны человеческой самостоятельности здесь осуществляется высшая ступень ее энергии, высшее напряжение всех ее сил и способностей, горячее стремление к правде, глубочайший не только теоретический, но и практический интерес к ней. Таким образом в догматическом творчестве Церкви находит свое осуществление нормативное взаимоотношение божественного и человеческого начал, — их полное взаимное проникновение, синергизм («изволися Духу Святому и нам»).

Отсюда в каждом догмате есть обязательно и историческая сторона, словесная оболочка, терминология, психологические понятия, свойственные известной эпохе, носящие печать своего времени, — которые подлежат дальнейшему разъяснению и переводу на терминологию эпохи последующей, поскольку эта терминология способствует более ясному и точному, более выпуклому выражению божественной истины.

По словам, например, профессора В. В. Болотова, догматическое содержание определения Халкидонского Собора сводится к двум положениям: а) во Христе два естества, б) но одно лицо или одна ипостась. Так как эта единая ипостась Богочеловека определяется как ипостась Бога-Слова, Который и есть субъект всей личной жизни Богочеловека, всех действий и состояний Христа, то является вопрос: как представлять Христа совершенным человеком. Ведь цельная, полная человеческая природа постулирует к

полной самосознающей личности. В ответ на это нужно заметить, что отцы говорили языком своего времени; что личное самосознание в психологии той эпохи не стояло таким существенным определителем самостоятельности духовного бытия; что в «единой ипостаси» на первом плане стоит момент «бытия самого по себе», «бытия для себя», а не признак самосознания. Естественно, что отцы не предусматривали тех точек зрения, на которые прежде всего становится современный нам мыслитель. Отцы лишь начертали те основы, раз'яснением которых с успехом занимались последующие полемисты и догматисты (авторитетное обобщение сделанного ими представляют труды Иоанна Дамаскина). Следовательно, не предвещая всех частных, Халкидонский Собор установил обязательную для всех основную точку зрения на лицо Богочеловека, устраняющую всякую догматическую констракцию, которая повела бы к признанию двух сынов, двух ипостасей. И, если мы «ипостась» в смысле самостоятельного духовного бытия понимаем как личность, как самосознающее «я», то, следовательно, халкидонское определение обязывает нас рассматривать лицо Богочеловека, как единое «я» с единым самосознанием. (Проф. В. В. Болотов. Лекции по истории древней Церкви. IV. История Церкви в период Вселенских Соборов. История богословской мысли. Постмортное издание под редакцией проф. А. И. Бриллиантова. Петроград, 1918 г., стр. 293 — 294.).

В этой цитате великий ученый богослов определенно выражает, что догматические определения Вселенских Соборов «устанавливают обязательную для всех основную точку зрения», не «предвещающую всех частных», «не предусматривающую тех точек зрения», на которые прежде всего становится современный нам мыслитель. Иначе говоря, — в догматических определениях «начертаны те основы», раз'яснение коих составляет задачу и долг последующих полемистов и догматистов.

Для участия в догматической работе требуется, главным образом, основательная и глубокая богословская осведомленность, а также разумение «знамения времени», глубокое понимание современных запросов и научных точек зрения, однако, самая эта работа не останавливается — при нормальном положении вещей — в отношении даже к раскрытым в прежнее время истинам Божественного Откровения, к догматам веры. Для нее указаны лишь

вехи, намечен основной путь, утверждена общая почва, дано общее безошибочное направление.

Но — что особенно важно — догматическая деятельность Церкви в период Вселенских Соборов не исчерпала, конечно, всех истин Божественного Откровения, многим из них не дала догматического определения, оставив последующей эпохе задачу постепенно уяснять и формулировать те истины, которые отвечают особенному жизненному интересу того или другого исторического момента, в соответствие с достигнутой степенью научного и морального развития исторической среды. В настоящее время перед церковно-религиозным сознанием стоят, например, проблемы, требующие специального обсуждения о природе человека, о происхождении души каждого человека в отдельности (в виду теории Дарвина и др.), об отношении христианства к социальным и экономическим проблемам, мучающим современное человечество (правда христианская о земле и др.).

Самое понятие о Церкви Христовой не нашло себе точного и исчерпывающего догматического выражения, — что особенно характерно обнаружилось по вопросу о магистерской диссертации проф. СПб. Акад. (впоследствии протопресвитера) Е. П. Аквилонова. «Опыт его истолкований апостольского учения о Церкви, как Тела Христовом», некоторыми представителями официального богословия был объявлен чуть не еретическим — несмотря на засвидетельствование совершенного православия образа мыслей диссертации со стороны такого авторитетного догматиста, как А. Л. Катанский. Определение же в православном катехизисе м. Филарета церкви, как «общества людей соединенных православною верою, священноначалием и таинствами» — явно не точно и недостаточно, устраняя из понятия Церкви Церковь небесную.

Углубленное и возможно исчерпывающее раскрытие этих вопросов, отвечающее жизненным интересам настоящей эпохи, предполагают и установление правильного взаимоотношения богословия к современной светской науке, в коей содержатся не только отрицательные по отношению к истинам православной веры моменты, но и предпосылки и выводы, благоприятствующие раскрытию спасительных истин, их подтверждающие и обосновывающие.

Проф. С. М. Зарин.

Правда ли, что неп Бога?

Письмо верующего к неверующим.

Могла ли вселенная произойти сама собою?

I.

Наука открыла, что во вселенной всюду наблюдается действие одного закона, называемого закон эволюции или развития. Но все развивающееся должно иметь и имеет начало своего развития. Настоящий миропорядок, как мы видели, не вечен. Как такой, он некогда должен иметь свое начало, а затем, согласно закона развития, существовать, пока современем, как и все, не дойдет до конца своего развития. Не касаясь вопроса о том, что будет после конца настоящего миропорядка, спросим, что было причиной его? Причина эта, разумеется, должна находиться или в самом мире, в его основе, или вне его.

Остановимся на первом положении: причина происхождения настоящего миропорядка заключается в самом мире. В таком случае спросим: что это за причина? Нам говорят: это «природа». И дают такое пояснение: «все явления жизни суть только разные проявления одной и той же силы, являющейся сущностью всех творческих сил вселенной, включая в их число как стихийные, спящие силы, так и пробужденные к сознательному творчеству силы органической жизни, как разум, чувство, воля». Под природою, другими словами, надо понимать некую единую и всюду различную сущность вселенной, лежащую в основе всего.

Прекрасно: пусть будет так. В таком случае спросим: что же это за единая сила, лежащая в основе всего? Другими словами, что именно является основой мира?

Вопрос этот уже давно пытались решить философия и наука. Последняя, пытаясь найти эту первооснову, объединить все многообразие явлений мира в одном синтезе и обобщить все явления природы в одну стройную систему, стремились найти прежде всего механическое объяснение всех явлений мира.

И это вот почему.

Мир мы знаем по тем отношениям, которые существуют между ним и нашим организмом. А последний особенно чувствителен к движению. Наш ум является как бы прибором, на который внешний влияет только движением, и потому механические движения и явления более привычны нам, чем иные, напр., хотя бы электрические. Затем, самые прочные, ценные наши научные понятия, самые удовлетворительные объяснения и понимания явлений были механические, основанные на законах движения. Поэтому все явления мира стали подводить под простые законы механики. Основным же началом механического понимания мира является существование материи, как той единой основы, из которой образовались все тела природы. С этой точки зрения в мире существует только материя и движение. Вне этого в области познаваемого нет ничего. Все сложные материальные тела состоят из атомов, занимающих определенное место в пространстве и имеющих определенную и неизменную массу, но далее уже неразрушимых и неделимых: свет, теплота и пр. силы или энергии объясняли движением материальных атомов, при чем полагали, что вне материи энергии не существует. Атомы разделены между собою пустотою. Для объяснения же передачи энергии на расстояние пришлось допустить гипотезу о существовании невесомой материи, наполняющей всю вселенную и названной мировым эфиром.

Вот было первое объяснение мира, или так называемое механическое или материалистическое мировоззрение. В нем все сводится к движению атомов материи и след., основой мира и всего сущего считалась материя, с присущей ей силою движения.

Затем, с дальнейшим развитием науки, это мировоззрение во многом оказалось неудовлетворительным. Явилась необходимость

видоизменить его или даже вовсе заменить новым. Появилось новое мировоззрение, так наз., энергетическое, по которому два начала вселенной именно материя и движение, были заменены одним — «энергия», при чем материя считалась тождо видом энергии, или сгущенной, сконцентрированной энергией. Поэтому основой мира и всего сущего стала считаться энергия и ее одной, думали, было вполне довольно, чтобы объяснить явления природы и построить цельную картину мира.

В последнее время это мировоззрение должно было уступить свое место новому, так наз., электромагниту. Не излагая его подробно — с ним можно познакомиться и в специальных сочинениях и новейших физиках, — мы заметим, что по этому мировоззрению первоосновой, или тем первичным материалом, из которого путем эволюции возникли все мировые тела и системы, является атом электричества. При чем атом его или электрон есть не материя и не энергия, а источник происхождения и той и другой. Материя и энергия след. являются только двумя сторонами одной и той же сущности. Итак, электрон можно считать тем материалом, из которого построены атомы материи. Электрон — это та «первоматерия» та основа, из которой построена вселенная. Возможно, что современная теория электронов заменится какою-либо новой, но пока будем знать, что основой всего сущего являются электрические атомы или электроны. Они, очевидно, и дали начало настоящему миропорядку.

Остановимся на этом.

II.

Теперь начнем с следующего.

Вселенная, окружающая нас, не есть что-либо мертвое, застывшее, неподвижное или неизменное. Нет, в ней всюду царит закон эволюции или развития, которому подчинено все, от малейшего до величайшего. Согласно этому закону, наша солнечная система, как и все остальные звездные системы, получили свое существование путем эволюции. Как именно происходила эволюция звездных систем, об этом в науке еще нет одной определенной и признанной всеми теории. Во всяком случае во всех имеющих гипотезах происхождения мировых светил, начиная с Канта-Лапласовской, проводится следующая мысль. Согласно закона развития, состоянию материи, образовавшейся в мир, предшествовало ее состояние в виде необразованном, нестройном. Другими словами, — материя предшествовала образованию из нее мира.

Теперь спрашивается, в каком же состоянии была материя, как бы ни понимать ее сущность, до образования из нее нынешней вселенной?

Тут, конечно, ответ может быть такой: до образования вселенной материи или вовсе не было, или она была вечно в хаотическом неупорядочном состоянии.

Остановимся на первом положении: материи вовсе не было. Можно ли принять его? Есть ли в науке для этого какие-либо данные?

Было время, когда в науке господствовала почти в течение века идея Лавуазье о неизменности и неучтожимости материи, из которой (идеи) выводили заключение о том, что материя вечна в своих элементах, что переходящие только одни ее формы, являющиеся соединением этих элементов. Но в последнее время, благодаря блестящим открытиям в области физики, догмату Лавуазье был нанесен смертельный удар. Благодаря многочисленным опытам, произведенным с материей, ученые пришли к той мысли, что материя не только в соединениях, но и в самых элементах представляет переходящую форму существования. Отсюда возникло учение об эволюции материи. (Беккерель и Риги. Новые основы физики.). Но понятие о развитии указывает на начало и конец того, что подлежит развитию. Раз материя, как и все, подлежит закону развития, то она след., должна иметь свое начало и свой конец. Мы уже видели, что ряд ученых произвел опыты, приведшие их к тому заключению, что материя не вечна. «Мы изложили опыты, говорит Лебон (см. Лебон. Эволюция сил.), разрушившие старую веру в вечность атомов. Мы теперь знаем, что материя медленно рассеивается и не имеет вечного существования». «При этом, говорит он далее, элементы диссоциирующих атомов разрушены бесповоротно... и материя, вернувшаяся в эфир, не может уже снова стать материей». Отсюда он вывел: «ничто не создается, — все разрушается».

Сначала люди науки полагали, что — в эфир, и полагали, что электрон одновременно принадлежит и материи и эфиру, служа таким образом промежуточным звеном между эфиром пустого пространства и материей в том виде, в каком она раскрывается перед нами.

Но последующие исследования строения материи и открытия в области электричества и магнетизма заставили ученых отказаться от веры в бытие эфира. Отказ этот, по их словам, не является потерей для науки, так как все усилия физиков поместить эфир во вселенную кончались полнейшим неуспехом в виду того, что ему приходилось приписывать необъяснимые свойства. Разрабатываемое Эйнштейном, Минковским, Планком и другими новое физическое мировоззрение, основанное на принципе относительности, говорит, что современная физика должна обойтись без эфира, а Ганс Витте дает доказательство невозможности построения теории непрерывного эфира и доказывает несостоятельность существующих теорий эфира. Таким образом, в новой физике эфир не играет уже никакой роли. И самое слово эфир заменено словом «пространство» или «пустота».

Но, если эфира нет, то во что же обращается распадающаяся материя? Как ни странно и невозможно, но тем не менее приходится говорить следующее: в пустоту, пространство, т.-е. другими словами в ничто. И откуда, с другой стороны, возникает материя? То же и в ничто. Но из ничего ничего и не бывает и не может быть. Совершенно верно: не происходит и не бывает само собою. Но материя существует, ее происхождение налицо. Значит она произошла не сама собою, а от какой-то неведомой причины. Было что-то такое, что дало ей начало. А откуда же это начало?

Пусть в своем развитии, в своей эволюции она, состоящая в тесной связи с энергией, создает все дальнейшее. Это не избавляет ее самое от необходимости быть созданной какой-то неизвестной могущественной силой. Мы говорим: «созданной», а не «самосоздавшейся». Таков единственно логически допустимый вывод из данных точного знания о строении материи. Раз в области фактов научного усовершенствованного наблюдения и опыта ученые стали лицом к лицу с осязательным обличием прежнего положения о вечности материи, раз опытом показали, что не только формы, но и основы материи не вечны, что в ней нет ничего неизменного, что она переходяща, то допускать, чтобы нечто по своей природе переходящее, клонящееся по самой своей сущности к распадению и самогибели, могло дать себе самобытие, такое допущение есть полнейшая невозможность и нелепость в пределах нормального человеческого мышления, этого обязательного условия и всякого научного мышления.

Поэтому на вопрос, в каком состоянии пребывала материя до образования из нее путем эволюции вселенной, единственным ответом истинно научного ума, опирающегося на факты и опыты, будет следующий: она создана какою-то могущественной силой, более могущественной, чем она и мы, разумные существа. Но раз так, тогда вторая гипотеза о мире, по которой первоначальная причина мира заключена в нем, а не вне его, также является несостоятельной.

III.

Но допустим теперь то, чего на основании научных данных мы не в праве допускать, т.-е. что материя до образования из нее вселенной была вечно в хаотическом неупорядочном состоянии. Посмотрим, что получится у нас при допущении этого положения.

Что значит быть вечным? Это значит всегда быть в неизменном, одном и том же состоянии и никогда не изменяться, не переходить в иное состояние. Если материя была вечно в хаотическом состоянии, то в этом состоянии она и должна была вечно оставаться, т.-е. быть в состоянии хаотического вечного движения или хаотического вечного покоя.

Допустим первое, т.-е. что материя пребывала в состоянии вечного движения. До образования из нее мира по законам и идеям разума, красоты, порядка, гармонии эта первоматерия должна была представлять собою движение беспорядочное, хаотическое. Затем вдруг, по какой-то о собою таинственной причине это беспорядочное хаотическое движение сменилось движением правильным, стройным, разумным, законосообразным, гармоничным, в результате которого появилась вселенная, полная мысли, разума, гармонии, порядка и пр. Спрашивается, каким образом могло произойти подобное явление, т.-е. как из хаоса и беспорядка возник сам собою порядок и гармония? Почему хаотическое беспорядочное движение атомов электронов сменилось движением правильным, разумным, законосообразным? Сами по себе атомы электроны, как лишенные разума и сознания, не могли, разумеется, создать чего-либо разумного. Сказать, что причиной подобной перемены в положении атомов была сила притяжения, эта механическая, а не разумная сила, также нельзя, иначе за эту силу придется признать качества разумности, что невозможно.

Остается, значит, признать, что была какая-то внешняя, независимая от атомов сила, какой-то нематериальный и при том разумный двигатель, который и сообщил вечно хаотическому беспорядочному движению атомов движение разумное, гармоничное, законосообразное и целесообразное, т.-е. то движение, которое только и возможно при существовании во вселенной закона развития строго целесообразного и законосообразного. Но эта разумная причина, сообщившая движение полное мысли, гармонии и пр., могла быть только вне атомов, вне первоосновы мира, вне энергии и материи. Но раз так, а иного вывода нет, то, значит, первая причина мира заключена не в нем самом, не в атомах электронах, а вне мира, вне атомов электронов, вне электричества, которое теперь признается первоматерией и основой всего.

Таков вывод, к которому приходится приходить, допуская, что первоматерия находилась в состоянии вечного движения.

Теперь допустим, что материя была в состоянии вечного покоя.

В этом состоянии покоя она и должна была навсегда оставаться. Но совершается непонятное чудо, противное законам физики и мысли: в ней, от вечности неподвижной, начинается вдруг по какой-то причине изменение. От чего? В самых атомах, как элементах неразумных, не могло возникнуть никакого внутреннего побуждения менять свое прежнее состояние на новое. К тому же свойство материи — это инертность, покой, в силу которого все материальное движется только под влиянием внешнего толчка. На этом свойстве основана, как известно, вся механика, и след., при объяснении первого движения его нельзя устранять. Значит, каждый из атомов, взятый в отдельности, каждая частичка материи никогда сама по себе не могла бы начать движения, хотя, с другой стороны, достаточно было бы движения одной из частиц, чтобы через нее пришли в движение и другие.

Но, спрашивается, откуда получила движение первая частица, первый атом, первый электрон, один или несколько, чтобы полученное движение сообщить всем другим частицам или атомам электронам? Тут может быть только один ответ: «очевидно, какая-то внешняя, чуждая атомам сила, какой-то нематериальный и притом разумный двигатель, имевший свою силу начать то, чего прежде не было, сообщил атомам то движение, которым и начался процесс образования вселенной. Но раз так, тогда первопричина образования вселенной была вне ее».

Но могут сказать: электронам могла быть присуща сила, например, движения, притяжения или какая-либо иная, неведомая, которая и сообщила первый толчок, первое движение. Если и так, то тогда перед нами совершенно непонятное явление: первоматерия, состоящая из атомов электричества, наполняющих мировое пространство, пребывает в неподвижном состоянии хаоса, и в то же время в ней существуют, быть может, как ее свойство, все образовательные элементы, т.-е. какие-то таинственные силы. Эти силы пребывали все время в бездействии, а потом по непонятной причине вдруг из состояния бездействия пришли к неожиданной и, главное, разумной деятельности. Как объяснить переход этих сил от состояния покоя к состоянию движения? Почему эти силы не

проявляли себя, покоились в первоматерии или атомах целые, скажем, миллиарды веков, а потом вдруг пришли в действие? Почему сила притяжения или какая-либо иная неведомая, но бывшая в материи атомах электронах, целые века не проявляла себя, а потом вдруг начала действовать?

Тут может быть только один ответ: «силы первоматерии проявились в действии только потому, что были возбуждены или вызваны к деятельности посторонней атомам силою или агентом, словом, какою-то внешней причиной. В природе всякая сила вызывается под воздействием на нее другой силы. Это закон, которого нельзя обойти молчанием при объяснении процесса происхождения мира. Значит, скажем еще раз, было что-то такое, что не принадлежало атомам электронам, что воздействовало на них. Была какая-то высшая, вне материи находившаяся сила, которая и повлияла на силы, присущие атомам, т.-е. на силу движения или иную. Или, иными словами, силы, присущие первоматерии, только потому и проявились в действии, что были вызваны к обнаружению агентом посторонним материи, внешним ей, т.-е. иною нематериальной и к тому же разумною силою. Но раз так, тогда след., первопричина мира вне его».

Итак, и в том случае, если мы признаем материю находящейся в вечном покое, мы приходим к прежнему выводу, а именно: первопричина мира вне его.

Словом, признаем ли мы материю временной или вечной, признаем ли мы ее находящейся в вечном движении или вечном покое, при всех предположениях мы приходим к одному и тому же выводу: первопричина мира не в нем, а вне его.

Но раз так, тогда и вторая гипотеза о мире является также несостоятельной.

Но допустим теперь, что она правильная. Что в этом случае придется нам допустить? В этом случае мы должны допустить, что вселенная — это какая-то машина, которая вопреки закону причинности и с нарушением его сама себя изобрела, сама себя привела в движение, сама установила законы этого движения и развития и сама, наконец, произвела то, чего не имеет в себе, т.-е. разум и сознание, проявляющиеся, особенно, в царстве человеческом. Кто может верить в подобное происхождение мира, пусть верит, но он не имеет права упрекать других в ошибочности их веры, недостатке здравого смысла, логики и отсутствии критицизма.

Таким образом, и вторая гипотеза о мире также неправильна. Но этим самым мы подходим к третьей, по которой мир произошел от причины, находящейся вне его. При разборе второй гипотезы мы это и видели.

Поэтому мы можем сказать, что из трех вышеназванных гипотез о мире последняя является единственно правильной. А раз так, тогда понятно, почему мы верующие придерживаемся этой гипотезы, и почему верим в то, что вселенная имеет виновником своего происхождения некую силу, стоящую выше ее и вне ее и носящую общеупотребительное название Бога. Вера наша в Бога имеет, таким образом, разумные данные, разумные основания.

В. Н. Турчанинов.

Смысл Воскресения Христа.

(Слово митроп. Александра Введенского.)

Светлое Воскресение Христово утверждает смысл жизни. В самом деле, если мы оглянемся назад и задумаемся в смысл Голгофы, тогда мы поймем, что было бы с человечеством, если бы не было этого факта воскресения Иисуса Христа. Ведь как бы мы ни смотрели на жизнь, даже независимо от наших религиозных убеждений, человечество приходит все к более глубокому удостоверению того, что человек больше чем животное, что нельзя человеческую жизнь свести только на чисто физиологические отправления, чем является жизнь так называемого животного мира. Там, в животном мире жизнь органическая, жизнь физиологическая, жизнь материальная, как таковая, является всею жизнью вообще. У животного нет никакой цели в жизни, кроме как расти, размножаться, умереть — этим исчерпывается круг жизни животного. И вот, человечество, физической своей природой соприкасающееся с миром животным (нам нужно есть, пить, спать), в то же самое время имеет нечто, что нас резко отличает от животного.

Разные люди, разные мыслители по разному характеризовали В общественности, в том, что мы строим цели, которые нужны грань, которая отделяет человека от животных. Всем известно определение Аристотеля — человек животное общественное. всему обществу, видел Аристотель характерную черту человека. Иные дают иные определения, выдвигая вперед нашу интеллектуальную, умственную природу. Но как бы то ни было, все, независимо от религиозных воззрений, сходятся на том, что человек больше, чем животное. Человечество ставит себе некоторые идеальные цели и пытается эти цели осуществить в своей истории, ибо вся история человечества есть стремление человечества построить свою жизнь как-то иначе, чем она фактически складывается, человечество ставит идеальные цели, и эти идеальные цели осмысливают нашу жизнь, ибо чувствуем, что если жизнь в самом деле была бы только процессом физиологическим, тогда все наши цели были бы ненужными, лишними, странным искажением природы, каким-то

болезненным аномальным явлением и нужно было бы возвратиться к животному состоянию. Но с этим не мирится человеческий ум.

Таким образом, человечество не может быть только животным и фактически больше, чем животное, оно ставит над собой не животные цели. И прежде всего, что особенно заставляет человека быть не животным, это идея нравственного порядка, ибо посмотрите, как человек может от всего отречься, но не от порядочности, не может уничтожить совесть в своем сердце. Правда, нормы нашего поведения, в зависимости от разных условий, изменяются, но самое желание быть порядочным, оно есть; я гнушаюсь сам перед собою быть нравственно непорядочным. Человек должен так устроиться, чтобы самого себя уважать. Мы не всегда себя уважаем, а только тогда, когда наше поведение согласуется с внутренними нормами нашей совести, и эти нравственные идеалы в нас доминируют над всеми прочими; осуществление этих идеалов является, в конце концов, тем, на чем сходятся все люди, независимо от всех разногласий. Мы чувствуем, что человек должен быть нравственен, нравственно порядочным; мы гнушаемся, не подаем кой-кому руки, когда видим грубое попрание нравственности. Вот почему люди, отрекающиеся от религии, не отрекаются от нравственности.

Итак, человечество как бы безмолвно согласилось, что нравственные идеалы — самое лучшее, что есть. Я бы определил человека, как существо, нравственное по преимуществу. Над физиологией торжествует этика, нравственность. Осуществление в мире нравственного идеала, личного или общественного, есть центральная сила, что движет все человечество. Поэтому нравственные ценности это — ценности высочайшего порядка, и к тому, кто имеет эти нравственные ценности, мы относимся, независимо от всех прочих симпатий, с чувством глубокого уважения. Люди уважают своих принципиальных противников — это всем известный факт.

Итак, нравственные ценности, это самое большое, что имеет человечество, нравственные ценности самые ценные, а носители и осуществители этих ценностей, это люди, перед которыми человечество почтительно склоняет голову.

Теперь перейдем к Голгофе.

Вдумаемся в смысл Голгофы, — тогда мы должны вдуматься в смысл личности Иисуса Христа, оставляя религиозный подход; посмотрим с точки зрения общечеловеческой. Можно констатировать, что перед личностью Иисуса человечество останавливается в состоянии нравственного восторга. Я бы сказал, что все эти Древсы, все эти ученые, пытающиеся доказать неисторичность Христа, эти ученые становятся на одну ложную позицию, потому что чувствуют, что Христос больше, чем человек, и не принимая Его, как Бога, они пытаются сказать, что Его не было. Но если бы не было Христа, тогда бы те люди, которые о Нем написали, были бы не меньше, чем Христос, т. е. выдумать Христа невозможно.

Вот по этому отрицательному впечатлению, которое производит личность Христа на Древсов, мы можем судить о силе нравственного обаяния. Существует письмо проконсула Леотула, который пишет, что «в наши дни появился Учитель, Иисус, на Которого нельзя смотреть без чувства внутреннего волнения». Такое чувство Христос вызывал физически, человек чувствует себя неспокойно, сталкиваясь с этой загадочной личностью. Он вызывает это наше волнение, переходящее в восторг, как выразился Оскар Уальд, Он вызывает благодатное состояние мощностью Своего нравственного состояния, ибо Христос есть нравственная чистота. При всем желании, в облике Иисуса Христа не найдете ничего того, что Христа выделяет как такового в смысле эгоистичности. Христос весь сплошная любовь, полное уничтожение себя для того дела, которое поставил целью своей жизни. Христос, воистину, является, с точки зрения мировой, редчайшим, прекраснейшим, благоуханнейшим, единственным цветком. И теперь посмотрите на судьбу этого цветка. Он растет среди самых неблагоприятных условий: Его палит огонь человеческой ненависти. Его судит человеческая клевета, Его хотят поразить молнии человеческого гнева. Христос рождается на почве, постоянно сотрясающейся от внутреннего неприятия Его.

Ирод хотел кровью загасить родившийся на земле свет. Первое появление Христа заставило мобилизовать все силы космического вселенского зла в лице Ирода и вся жизнь Христа идет на борьбу с Иродами. Как будто земля от легкости Его стопы сотрясалась внутренним негодованием. Вот эта подземная ненависть хочет залить Христа. Как будто наша планета привыкла, чтобы ее попирали ноги грешников, а где коснулась чистая, легкая стопа Христа, там она сотрясалась злобою. Мир не хотел, не мог органически принять Христа, потому что весь лежал во зле. И вот, вся жизнь Христа была Голгофой. Постоянно Он окружен демоническими силами — и тогда, когда Самому является демон и искушает Его, и тогда, когда перед Ним проходят лстивые и предла-

гают не тот путь, какой нужно; когда он назвал Петра сатаной, Петр по существу был сатаной. Сатана представал пред Ним от темного лика недруга до светлого лика друга. Когда Христу предлагали быть царем, — это все была Голгофа, многообразная; это была Голгофа, когда не понимали Его родные, когда на Христа клеветали, говоря, что Он сын дьявола, творящий свои дела.

Повторяю, вся жизнь Христа — страшная Голгофа. Солнце жгучее, ветры злоторные, все хотело погубить этот цветок. Но посмотрите силу этого цветка, посмотрите силу Христа — Он все побеждает: Ирод убивает младенцев, но не мог убить Христа, сатана предлагает все соблазны мира, Он отрицает все соблазны и т. д. Всюду видим, что этот маленький слабый цветок является самым сильным.

Помните эти последние соблазны, наиболее тонкие, когда Христа хотели уличить с точки зрения науки, философии науки — это когда подступали к Нему фарисеи, цвет тогдашней священнической аристократии, и мы с восторгом бьющимся сердцем читаем Евангельские страницы за страницей и убеждаемся, как они были бессильны. Не употребляйте усилий, Христос побеждает. Когда Христос входит в Вербное Воскресение в Иерусалим, ликующие толпы народа, с восторгом и энтузиазмом встречающие Его, мы удовлетворенные, чувствуем — да, Христос победил и во вне. Казалось, что жизнь должна была кончиться для Него в Вербное Воскресенье. Какие жалкие палачи, обманщики, транжиры, мещане духа — земные властители, сидящие на золотых креслах. Христос, входящий в Иерусалим, в царство земное, Царь, пред Ним все упадут и Он воцарится во веки веков. Таково убеждение апостолов, которые требовали себе министерских мест.

Христос победил. И в эту минуту глубочайшей победы мы видим провал Христова дела. Вдруг Его развенчивают при полном отсутствии всякой поддержки. Мы привыкли говорить — голос народа, голос Божий (кстати сказать, здесь видно, как неверна эта поговорка), так вот этот голос народа осудил Сына Божия. Но нас еще больше поражает, что те, на которых Христос нравственно опирался, апостолы, постыдным образом бежали. Меркнет дело Иуды перед отречением Петра. Петр, отрекающийся от Христа; только что говоривший, что если все отречется, он не отречется, — самое позорное, что имеет человечество. Около Христа образовалась пустота, все отошли, бросили Его. И потом видим с недоумением, с ужасом, как Его арестовали, оплевали, опозорили, так что сердце язычника содрогнулось, — Пилат хотел отпустить Христа. Он видел Христа опозоренного, измученного, и сказал толпе: «вед это же Человек...». А толпа вопиет: «убей Его». Вот когда это видим, мы находимся в состоянии нравственного недоумения. И когда Христос висел на кресте, они от Него требовали — если Ты Сын Божий, сойди с креста. И это была совершенно верная мысль с их точки зрения, — Он не может и не должен быть убитым на кресте, иначе сыны человеческие окажутся сильнее Сына Божия. И все же видим, как Христос умирает и говорит в смертельном страдании — «Боже Мой, Боже Мой, почему Ты оставил Меня?» И угасла вся вера апостолов, — Он умер, вот бездыханный труп, измученное страданием лицо, — ничего нет. И сама Его Мать была в состоянии глубочайшей растерянности и думала, что архангел Гавриил солгал ей, — Он так же умер, как разбойники, распятые с Ним.

Все потухло... Нет ничего...

Если дело кончается Голгофой, тогда вся надежда, что мы «человеки», тухнем, тогда, воистину, мы по недоразумению ставим возвышенные цели, их не нужно ставить, ни к чему все это, мы все равно никогда не будем похожи на Христа. Если самый прекрасный, самый чистый, украшение мира, оказался побежденным слепым бытием, если прекраснейший, благоухающий цветок замерз и вынул душу из него и ничего не осталось, к чему тогда строить, к чему все наши достижения, вся наша культура? Ведь человечество над этим задумывалось; помните, Ж. Ж. Руссо пришел к заключению, что все человечество под влиянием цивилизации не делается лучше. Лев Толстой и другие пришли к этому же убеждению, что все пустяки, единственно хорошее — это молодость. Это то, что в свое время писал Тургенев в одной анкете, где он отвечал, что самое лучшее, это человек в 25 лет. Вот к чему приходят многие глубокие не мещанские, не обывательские умы.

В самом деле, если все кончается победой смерти, если червь-победитель пожрет все наши мозговые извилины, то к чему все это? Тогда гораздо проще устроить, как говорил Ницше, веселую жизнь молодых животных. Я читал утопию Константина Мережковского, как человечество устроит жизнь, и он говорит, что все сведется к тому, чтобы жизнь физиологическая была лучше, внешне красива, — молодые девушки, цветы, зелень. Тогда, действительно, все прочее не нужно, тогда через 100 — 200 лет ученые

будут странными аномалиями и их будут точно помешанных удалять. Совершенно верно, с точки зрения внутренней логики, так должно быть, это единственная реальность, ибо в жизни нет никаких целей, больших чем те, которые дает физиология; человек то же животное, вокруг него тот же самый очерченный круг, в нем можно танцевать определенный человеческий танец.

Подобно тому, как мы относимся к ненормальным, так, в сущности, надо было бы лечить громадными порциями брома и ледяными ваннами всех тех, которые, не веря в воскресение Христа, ставят себе цели жизни. Неверие есть опиум, неверие есть опиум нашего мозга, который ставя цели, потом уничтожается. Все побеждено будет смертью, какие бы мы ни придумывали элексиры, все равно все погибнет, вопрос может отдалиться только хронологически, но сущность не меняется. Мир органически обреченный, нет никаких целей, кроме чисто материальных, это просто танец физиологических машин. Вот вам лучшее лишнее доказательство того, что сильнее всего оказалась печать римского прокуратора — Христа арестовали, опорочили, убили, погребли, поставили на гроб печать римского прокуратора, и она оказалась сильнее всех и сильнее самой вечности. И всегда будет торжествовать в мире римский прокуратор. Если Христа победили римские прокураторы, так хочешь, не хочешь, будь логичен до конца — да, жизнь есть мировая бессмыслица. Воистину, мир, на самом деле, есть хаос, беспорядок, бессмыслица, нелепица и бесконечно был прав Ледантек, говоривший, что триумф атеиста есть смерть. Он говорит, что единственно правильный вывод из посылок атеизма есть — револьвер. Человечество должно покончить самоубийством и притти к убеждению, что все глупо. Здесь в этой грубой форме сквозит грубая правда. Что же делать, она безобразна, вульгарна, эта правда, нечего сказочные одежды на себя одевать, как в сказке Андерсена, — портные обещали сшить королю тончайшее платье необычайной красоты и когда одели его, все кругом восхищались — какая красота, пока один мальчишка не сказал — ведь король же голый.

Оказалось, что портные ничего на него не надели.

И, если нет света Воскресения Христа, то все тончайшие смыслы жизни, которые хотим накинуть на холодный мир, это все Андерсеновские одежды.

Не даром, по заявлению многих астрономов, в конечном результате, жизнь ждет могильный холод. Жизнь есть мороз, есть ледяной холод, и эта ледяная глыба убила Христа, и если бы не факт воскресения Христа, ничего отвечать нельзя.

Но Христос воскрес. Об'ективный, реальный факт Его воскресения лучше всего доказывает, что реальность есть, но она не этого порядка вещей, к какому мы привыкли. Жизнь назойливо лезет к нам, но на нашей планете не все базар, и, Богу слава, мир не есть базар, в мире есть другой порядок, иная правда, — в мире есть

Христос. Только Его правда — правда, только Его солнце — солнце, только Его жизнь — жизнь.

Несмотря на то, что мобилизовали все силы против Него, Христос воскресает, — воскресает в третий день. Его распяли, запечатали, убили веру в учениках Он воскрес, без усилия, без декоративных эффектов. Как воскрес, никто не видел, но живым оказался. И если физически жив, то живы и Его метафизические идеи. И когда Он говорит — «Я Путь и Жизнь», — Он говорит настоящую правду.

Воскресение Иисуса Христа оправдывается с точки зрения всего бытия, как такового. У нас есть инстинкт, что мир есть нечто безошибочное, что он не бессмыслица. Если здесь есть неверующий человек, то он протестовал бы против того, что мир бессмыслица, есть смысл; и он прав. Все же чувствуем, что смысл какой-то есть, но он не оправдывается, если нет воскресения Иисуса Христа. Воскресение Иисуса Христа есть фактическое оправдание инстинкта нашего, что жизнь имеет глубочайший смысл, что все вплоть до самого жуткого страдания, вплоть до богооставленности, самого ужасного, что может быть, все имеет глубочайший смысл, ибо Христос победил всю бессмысленность. И Он не цветок, возвращенный в оранжереях фантастики, но Он тот цветок, по образцу которого и мы должны быть построены.

Здесь Он залетный, нездешний, но там, в горнем мире, как Он, так все построено, — по этому плану вечной озаренности, облагодатствования. А здесь условное, призрачное бытие и это условное призрачное бытие должно и может быть побеждено светом Воскресения Иисуса Христа. В Его свете имеет все свой настоящий вид, о бытии можем судить по этому настоящему свету. Когда мы, как в эту Пасху, на час хотя бы зажигаем свечи, мы бываем настоящими. И вся задача нашей жизни — внутренне превратить все бытие в непрерывную Пасху.

Озарение себя светом Христа, томление по этому свету, стремление ловить, поймать эти лучи, чтобы они не скользили мимо души, чтобы сам от них переродился, — вот это хочет сказать Церковь, прозвучать торжеством, открыть смысл жизни. Мы не случайные гости, не усовершенствованные машины, нет, мы, воистину, сосуды Св. Духа, живые чаши Живого Бога, живые ангелы, предстоящие Его вечному торжеству. Если в литургийный час ты можешь быть таким, помни, что Христос повелевает быть таким же во все часы жизни. Для этого была Его Голгофа, Его Воскресение и озаряющий свет этого Воскресения.

Да, мы всегда просвещаемся, красуемся и торествуем этим праздником и торжеством из торжеств. Божественным, гармоническим, лучезарным светом Его победного трехдневного вечного Воскресения.

Митрополит Александр (Введенский).

Обновление церкви.

Давно говорят у нас об обновлении церкви. Вот уже двадцать лет многие церковные люди трудятся на дело церковного обновления. В царское время этих людей не любили власти за то, что они протестовали против подчинения церкви государству, против власти монахов, против омирщения духовенства и тому подобное. Это было понятно, потому что власть церковная была в руках монахов, желавших единолично управлять церковными делами и не любивших жить по-монашески, а власть гражданская была в руках царских чиновников, которые находили в церковных властях помощников себе в угнетении трудящегося народа.

Но вот не стало царя и царских чиновников. Церковные люди заговорили еще громче об обновлении церковном, стали принимать меры для этого обновления. И опять против них недовольство. Те же прежние архиереи-монахи, привыкшие к вельможному положению при царях, ведут жестокую борьбу со сторонниками церковного обновления. Их называют в укорительном смысле «обновленцами», как будто это что-то дурное, вооружают против них верующих, не понимающих, в чем дело, распускают о них всякие слухи, что будто они отступили от православия, будто нет у них благодати и прочее.

Что же такое церковное обновление, есть ли в нем что-либо худое и правда ли то, что говорят об обновленцах их враги?

Некоторые думают, что церковное обновление есть нарушение церковной старины, изменение православных церковных порядков. Обновить — значит переменить. А в церкви изменять и переменять ничего не следует. Церковь утверждается на слове Божию, заветах апостольских и святоотеческих, постановлениях вселенских

соборов и должна хранить их свято и нерушимо. Чего же тут обновлять?

Правильно, что церковь утверждается на Писании и Предании. И правильно, что то, что завещано Христом, апостолами и св. отцами и соборами, изменять не следует. Но неправильно говорить, что поэтому и никакого церковного обновления не нужно. Напротив, вот именно потому, что церковь должна свято хранить заветы Христовы и апостольские и древне-христианские, и приходится заботиться о церковном обновлении.

Если бы в церкви действительно нерушимо хранились заветы Христовы, тогда, конечно, обновлять было бы нечего. Но беда в том, что заветы Христа и апостолов в течение долгих веков существования церкви во многом забылись, а вместо того в церковной жизни установились обычаи, порядки, взгляды, не совсем согласные с Писанием и Преданием. Церковь, как общество верующих, состоит ведь из людей; а людям свойственно погрешать. Представьте себе, что у кого-либо из вас из рода в род передавалось завещание вашего отдаленного предка. Первое поколение хранило его неизменно. Второе — начало делать некоторые отступления. Третье — еще большие. И так дальше. На десятом-двадцатом поколении заветы предка вашего и узнать бы было трудно. Так и в церкви. Первые христиане жили строго по заветам Христовым и апостольским; но дальнейшие поколения христиан стали жить все больше не по Евангелию. Это обычный грех человеческий. Но разве можно осуждать кого-либо из вас, если вы пожелаете восстановить подлинное завещание вашего предка, возобновить его в своей памяти и стараться перестроить жизнь свою по нему? Так

разве можно осуждать и тех церковных людей, которые стараются обновить, восстановить в сознании церковном, в жизни церковной подлинные заветы Христа и апостолов, древние церковные порядки и очистить церковь от того, чем мир засорил первоначальную христианскую чистоту?

А вот в этом то и состоит церковное обновление.

Христос заветал людям любить друг друга, служить друг другу, быть братьями, делать все для других, никому не причинять обиды и несправедливости. Христос был другом бедных, трудящихся и угнетенных. Он хотел установить среди людей царство Божие, в котором бы царила правда Божия, где не было бы ни рабов, ни господ, ни сильных, ни слабых, а все объединялись в единстве любви Христовой.

Но хранители заветов Христовых с течением времени забыли это. Они сделали церковь Христову прислужницей государства, построенного на несправедливости, на угнетении одних другими. Они именем Христа благословили и рабство, и насилие, и эксплуатацию человека человеком—все, что существовало в мире нехристианском. Они стали друзьями не бедняков, а богачей и помогали последним пользоваться чужими трудами. Все это потому, что они не сумели сохранить Христа в своем сердце, стали гнаться за благами мира сего, свои выгоды поставили выше правды Божией и захотели сами пользоваться плодами чужих трудов. Все по слабости человеческой. И это-то называется омирщением церкви.

Надо напомнить тем, кто забыл Христовы заветы, о чем учил Христос, как он велел жить людям. Надо воскресить Евангелие в сознании христиан, надо показать, что действительно Христово в церкви и что человеческое, мирское, надо отличить правду от неправды человеческой. Надо сделать церковь прибежищем действительно трудящихся и угнетенных, надо служителей Христовых вырвать из объятий мира, надо им обновиться духом, надо, чтобы церковь служила только истине, а не силе и богатству, не помогала угнетать людей, а помогала им достигать свободной, справедливой, хорошей жизни. В этом прежде всего состоит церковное обновление.

Но как это сделать? Ведь для того, чтобы церковь стояла твердо на стороне Христовых заветов, нужно, чтобы жизнью церковной руководили люди, угасившие в себе Христа, не отдавшиеся миру, а отдавшиеся Христу. Нужно также, чтобы нельзя было отдельным людям по своему вести церковное дело, ибо отдельные люди легче поддаются всяким соблазнам, а чтобы на страже правды Божией в церкви стояли все верующие, весь церковный народ, все церковное общество. Так и было в первые времена христианства, апостольские и соборные. Тогда в церкви все делалось соборно, епископы и священники были излюбленными людьми паствы, сообща все решали и исправляли уклоняющихся. Потом ослабела эта соборность, не излюбленные люди, а назначенные сверху стали архирействовать и пастырствовать, келейно стали решаться церковные дела, под влиянием сильных мира сего; и потемнела Христова правда.

Значит, нужно вернуться снова к временам апостольским и соборным. Соборно надо вести церковное дело, всем верующим сообща охранять Христовы заветы, поставлять избранных епископов и священников. Иначе говоря, надо обновить церковный строй. Этого и хочет церковное обновление.

Такова сущность обновления церкви. Как видно, ничего худого тут не только нет, а одно хорошее. Те, кто хотят церковного обновления, хотя лишь ближе подойти к заветам Христовым, преданиям апостольским и очистить церковь от омирщения, затемнившего правду Божию.

Теперь, может быть, вы скажете: а зачем же так называемые обновленцы отменили патриаршество, зачем они отошли от патриарха Тихона, ввели брачных епископов, дозволили второй брак священникам? Нет ли тут отступления от православия, не лишаются ли они за это благодати?

Почему отменено патриаршество? Да именно потому, что оно мешало тому соборному церковному строю, который необходимо восстановить в церкви, чтобы охранять заветы Христовы. Патриаршество само по себе ничего худого не представляет. В церкви

могут быть и патриархи, но только необходимо, чтобы они не стесняли церковной свободы, не самовольничали, следовали соборным указаниям и служили не мирским делам, а правде Божией. Однако, как показывает история церкви, патриархи часто впадали в эти грехи. Между тем, патриаршества не устанавливали ни Христос, ни апостолы, ни древняя церковь христианская. Патриархи появились только тогда, когда церковь стала омирщаться, забывать заветы Христа, подаваться мирским соблазнам. И учредили патриаршество, главным образом, византийские императоры. Ясно, что церковь может существовать и без патриаршества, и даже лучше, чем при патриаршестве: в лучшие времена церкви не было патриархов. Так вот, чтобы избежать лишнего соблазна, связанных с патриаршеством, чтобы укрепить соборный порядок, нарушаемый часто патриархами, у нас и отменили патриаршество. И в других некоторых православных церквях нет патриархов, например, в болгарской, в греческой (в Греции). У нас за все время существования русской церкви — а этому около 1.000 лет — патриархи были всего менее 120 лет, в старой Москве 111 лет, да недавно 7 лет. А церковь наша всегда была православною. Значит, и без патриаршества она православия не потеряет.

По тому же самому устранили и патриарха Тихона. Он был как раз такой патриарх, который поддался соблазну своей власти, захотел управлять без соборов, занялся мирской политикой, начал самовластничать; а когда его соборно осудили, он и собору не подчинился. Совсем, как бывший у нас при царе Алексее Михайловиче патриарх Никон. Но того также устранили и это было законно. Так и патриарха Тихона устранили законным церковным судом, для блага церкви. А если он этому не подчинился, то это уже его грех и на нем лежит вина за то смущение, которое он этим вызвал. Между прочим и патриарх Никон в свое время не хотел подчиниться соборному суду. Но суд соборный от этого не потерял своей силы.

Зачем обновленцы ввели женатых епископов? Да затем, что по писанию апостольскому и правилам древней церкви епископам разрешалось быть и в браке. Сами некоторые апостолы имели жен. Между тем епископы-монахи часто были не на месте, да и по правилам церковным монахам в дела церковного управления вступать не подобает. Да и монахов достойных мало. Так вот и вернулись к апостольскому обычаю, чтобы допускать и брачных епископов. Само собой ясно, что православие этим не нарушено: иначе, ведь, и апостолы будут неправославными. А что в седьмом веке, спустя 700 лет после Христа, в церкви вошло в обычай епископам не позволять брачной жизни, то это было сделано по обстоятельствам того времени, не в постоянный закон, а временный. И то, что теперь это временное постановление у нас отложили, вполне естественно.

Зачем дозволили второй брак священникам и диаконам? Да затем, что и в древней церкви иногда дозволяли это. Дозволяли во внимание к немощи человеческой. Ведь лучше законный брак, чем незаконное сожитие. И теперь разрешают лишь по немощи, кто молод или детей малых имеет. Не всякому разрешают. И от этого не умаляется православие, а, напротив, устраняются соблазны.

За что же в таком случае называть обновленцев безблагодатными? Не за то ли, что они правду Христову восстанавливают, церковь соборную создают, заветам апостольским следуют, стараются на лучшее церковную жизнь устроить? Есть, конечно, и среди них недостойные. Но где их нет. Однако, даже у недостойных, по учению церкви, благодать не отъемлется. Стало быть, лишь вражда и злоба человеческая распускают молву о безблагодатности обновленца. Не нравится многим, что стала обновленная церковь другом бедных, а не богатых, перестала преклоняться пред богатыми, требует от монахов жизни монашеской, от епископов — не начальствования, а пастырства, не хочет служить мирским целям, а хочет ратовать за истину Христову.

Но разумные верующие понимают, что не бояться надо церковного обновления, а всемерно к нему стремиться. Обновление церкви есть воскрешение в ней духа Христова. А какой же христианин не желает быть ближе ко Христу?

Об участии мирян в церковном строительстве.

(Речь + епископа Брянского Тимофея.)

Православная Церковь Христова в настоящий момент переживает исключительно тяжелое время: волны неверия, безбожия, атеизма, сектанства, расколов обуревают ее. Люди малодушные в этом натиске обуревающих волн склонны видеть начало конца гибели Церкви, малодушничают, опустили руки и ждут, по их мнению, рокового исхода борьбы. Церковь, говорят, в агонии, все мыслящее, культурное ушло от нее, подросток молодёжь — за оградой церковной, в церкви остались лишь старики и старухи, окаменевшие в безжизненно-мертвом культе...

Так ли это? Действительно ли Церковь в смертной агонии, действительно ли в современном положении ее нужно видеть начало конца? Нет.

Настоящее положение Церкви Христовой — исключительное, небывалое. Настоящее время можно назвать временем богоискательства, когда всюду и все заговорили о вере в Бога, о Церкви: и в вагонах трамвая, железнодорожных станциях, на всех улицах, перекрестках, базарах, в современной печати, лекциях, говорят люди науки, знания, простецы. За что говорит это, как не за то, что вопрос о вере, Церкви есть вопрос исключительной важности в сознании и сердце человечества. Человечество ищет Бога, человечество ищет форму выражения веры, ищет церковь, идя к разрешению этих вопросов одни — путем отрицательным, другие — путем положительным, путаясь в правильной разгадке этих высоких сверхчеловеческих вопросов.

Почему это так, невольно является вопрос. В ответ на вопрос здесь я приведу пророчество Св. Симеона Богоприимца, который, когда взял на руки Богомладенца Христа, сказал: «Вот лежит Он на падение и на восстание многих во Израиле, в знамение пререкаемо». Вековечно сбывается это пророчество: Христос до скончания веков был и будет предметом пререкания. Христос — такая Божественная Величина, Которую понять, воплотить все человечество во всей полноте не может, хотя это и составляет задачу его жизни. Величайшее учение Его, тайна воплощения и спасения, все Св. Евангелие, благовествованное Им — это такие величайшие, глубочайшие истины, которых не разрешит наука, знание, ум человека, — эти истины должны пройти и закрепиться сначала в сердце и тогда только лишь смогут быть понятны в объятии умом. Ведь только чистые сердцем, как сказал Христос, могут видеть Бога. Самый образованный, просвещенный ум человека, при отсутствии чистоты сердца — эгоизме, гордости, чувственности, склонный ко всему материальному — не может понять, объять Бога.

Церковь Христова не в агонии, в современном положении ее нельзя видеть начала конца: все это было и раньше в истории Церкви Христовой и с особенной силой сказало в наши дни, дни переоценки всех ценностей, когда человечество находится на переломе своего политического, социального и экономического переустройства. В вихре стремления к счастью земному, человечество, не могло не остановить своего внимания и на Церкви, как видимой организации и оценить ее с точки зрения вреда и пользы для человечества. Нечего греха таить: приходится сказать горькую правду... Православная Церковь в ее недавнем историческом прошлом дала и дает повод говорить за то, что она уклонилась от своего пути, завещанного ей Основателем. Пастыреначальником Христом. Она омирчилась, поглотилась земными интересами, замылась политикой и этим нанесла тяжелый вред своей внутренней сущности. Церковные верхи — иерархия, богатые, имущие классы, сделали из нее прислужницу власти земной, к подножию которой и приковали ее. Произошла подмена подлинного учения Христова: вместо заповеди — «не убий» благословлялись войны, вместо «горе» богатым — почет и уважение им до преимущества чести у Чаши и Тела и Крови Христовой, просфора в Церкви, чины боляринов в молитвенных поминовениях.

Горько говорить... И, вот, строители новой жизни Государства, естественно, с недоверием посмотрели на Церковь, которая, уйдя от своих первых целей, стала на пути к достижениям человечества. На горе Церкви в то время, как народ боролся за свое будущее, старые церковные прислужники царизма, водрузили духовного самодержца покойного патриарха Тихона. Не стало Романова — устроили подзамен. Дальше — анафема б. п. Тихона, пресловутые воззвания, залившие кровью страну, отнявшие кормильцев у родных семей, слезы и стоны которых вопиют к Богу, а из гробов несутся проклятия обманутых. И, как бывает в жизни, в крушении чаще всего виноват стрелочник, вина всем гнетом пала на белое духовенство, на ебдного сельского, загнанного священ-

ника. Загнанный в прошлом, забитый, бесправный, битый кнутом на барской конюшне, нищий с протянутой рукой, он оказался виноват. Б. п. Тихон в тюрьме, за ним ореол мученичества: страдалец за веру, а на самом деле политикан, чуть не доведший до гибели Церковь, поставивший свое владычество земное выше спасения, выше Церкви Христовой... Интересен его ответ на Московском процессе по делу священников московских, им одуроченных, когда он не постеснялся сказать: они, т.-е. священники, могли исполнять и не исполнять мои распоряжения, чем безчеловечно, лукаво решил их судьбу... А высшая, отборная иерархия, которая не могла помириться с революцией, во время эвакуировалась за границу, где благополучно чувствует себя и до сего времени, и там вдали куют мечи на сынов России, снова мечтая залить ее кровью, лишь бы только сдвинуть ненавистную им Советскую Власть, мечтают водрузить опять монархию, самим очутиться снова на родине в роли спасителей отечества.

Вот грех исторического прошлого и современных политика-нов Церкви, — выходит: отцы, ели кислый виноград, а у детей на зубах оскомина. Этот грех создал, особенно на первых порах, всю бурю ненависти, которую пришлось пережить, особенно, бедному рядовому духовенству. В результате забыты лучшие заслуги церкви с ее пленительным учением и моралью. Забыты лучшие архипастыри, пастыри, верующие миряне, друзья отечества, народа, жизнь свою положившие за любовь к Церкви, народу, исповедывавшие чистое учение Христово, люди, умершие в казематах застенков печального прошлого, забыто историческое значение Церкви в культурном, умственном развитии человечества... Ведь было время, когда наука, искусство получали питание в религии, Церкви, взяли хотя бы зодчих, строителей, скульпторов, художников, поэтов, мыслителей, композиторов, певцов и музыкантов... Забыт сельский священник — в свое время единственная культурная сила деревни...

Взошла новая заря жизни. Свершилась гражданская революция, православная Церковь декретом отделена от Государства. Казалось бы, каким приветным благовестом Церковь должна была встретить свою свободу. Теперь она раскрепощена, теперь она не служанка Государства, теперь она Невеста Христова прекрасная, теперь она свободно может развивать всю внутреннюю красоту своего учения, нет у нее дозорных — ока и уха царя, Обер-прокурора, нет жандармской охраны, теперь она вышла из подопечного состояния, теперь, в новых условиях государственности, она должна совершать свое дело — дело спасения людей, дела мира и христианской любви. Какие прекрасные возможности! Совершилось то, о чем столетиями мечтали лучшие сыны церкви, о чем думали наши деды и отцы. Как легко вздохнулось тем, кто жил мечтой об этой свободе Церкви, свободе от царских оков. Но мечта пока остается мечтой... Взамен царских опричников, палачей является и вырастает в крупную фигуру гаситель света, свободы и жизни церковной б. п. Тихон. За ним ряд иерархов и зачарованных пастырей, которые сказали: «осади назад»; к ним примкнули богатеи-миряне, решивши, что под хоругвь церковной еще возможна борьба с Соввластью, ненавистной им революцией. Создали религиозный фанатизм, изуверство. Освобожденная церковь под водительством Тихона и его помощников вместо любви и мира, вместо благословения благоустройства человечества, сказала проклятие. Измученная масса трудящихся, так долго угнетенная рабством, невежеством прошлого, наконец, проснулась и с тяжелым упреком вначале, а дальше со злобой посмотрела на Церковь, от которой она ждала и вправе была ждать праведного слова, благословения своей свободе, равенству и братству людей и, к несчастью, не дождалась.

Монгольское, татарское иго не принесло тех потрясений Церкви и духовенству, которые дали «так называемые» верующие сыны Церкви во главе с б. п. Тихоном. И кто же все это сделал? Верхушки церкви во главе с б. п. Тихоном, превратившим церковь в политику. Что же делать? Как вывести из тупика церковную жизнь?

В общенародном понимании слово Церковь часто понимается неправильно: в большинстве понимают церковь как дом молитвы, или духовенство, — это глубокое заблуждение и извращение понятия о Церкви. Церковь — это живой союз духовенства и верующих мирян, едино тело Невесты Христовой. И как в здоровом теле все происходит правильно при общем здоровье всего тела, так и жизнь Церкви может идти правильно, путем, заповеданным Хри-

стом, лишь только тогда, когда существует правильное взаимоотношение между духовенством и мирянами, когда среди них царит один дух Христов, одна идея спасения.

Моя речь к верующим мирянам... Церковь зовет вас на работу, Церковь благодатно родившая и воспитавшая вас мать — больна. А что делают любящие дети, когда видят, узнают о болезни плотской своей матери: идут и едут из далека, часто бросая все дела, имущества, семьи и идут и едут, чтобы повидать ее, запечатлеть в сердце и уме последний взор, последний вздох, получить благословение, излить в слезах наболевшее сердце за все неправды, обиды, огорчения сыневого прошлого. Мы — у постели тяжело больной. Каким вихрем несутся воспоминания детства, отрочества, юности, ласки, привет и любовь матери, — теперь она больная, изможденная, невольная слеза упадет из глаз при этих воспоминаниях и больная, изможденная мать становится еще дороже сердцу и как хочется вырвать ее из рук неумолимой смерти.

Я счастлив говорить вам верующие — представители крупной рабоче-фабричной организации, говорить перед тесно-сплоченной организацией христианской семьи, сердечно разделяющей взгля-

ды нового церковного движения, во главе которого стоит Св. Синод Российской Православной Церкви — верный страж православия

Вы, труженики, уверен, поймете меня, вы умеете различать задачи гражданской революции и цели Церкви Православной, в жизни и деятельности которой не хотите видеть, не допускайте, политики, борьбы с существующей гражданской властью. Церковь — дом молитвы, духовного отдохновения, благодатного возрождения, спасения и задача ее не бороться с стремлением человечества к благу земному, а помогать ему, благословить его, одухотворить и просветить.

Пусть неумолчно работает молот и станок в ваших руках, кует ваше земное благополучие с возможными радостями, счастьем земным, молитвы и благословение Церкви да будет с вами, с умной молитвой за станком и молотом вы являетесь исповедниками веры Христовой, призывающей человека к труду и словами Христа зовущей к Нему: придите все тружасьщиеся и обремененные и Я упокою вас. Он — Христос успокоит вас, прольет в сердце отраду, сделает приятным Им благословенный труд на благо ваше и всего человечества.

† Епископ Тимофей (Брянский).

ОТДЕЛ ПРОВИНЦИАЛЬНЫЙ.

Мирянское объединение в Брянске.

По инициативе Брянского епископа Тимофея, в Брянске организуется мирянское объединение на следующих основаниях.

Цель мирянского объединения.

1. Благоустройство церковной жизни, прекращение раздоров в ней, идейная борьба с политикой в Церкви, раздражающей ее, мешающей ей осуществлять задачи, заповеданные ей Основателем ее — Пастыреначальником Господом, борьба с тихоновщиной, сеющей злобу, вражду, мешающей осуществить земное благоустройство жизни, счастье земное, идейная борьба с сектанством, баптизмом, евангелистами, прикрывающимися именем Христовым, разрушающими все основы Церкви: Св. Таинства, всю догматику — вероучение христианства, Св. Предание, заповеданное церковью, подтвержденное Св. Апостолами, Вселенскими Соборами, Св. Отцами и учителями Церкви.

2. Примирение науки с религией — точнее, научное оправдание веры нашей без ущерба ее догматике, канонике в неизменной части.

3. Идейная борьба с неверием, атеизмом, безбожием путем приобретения, распространения апологической литературы, устройства бесед, лекций, широкого распространения духовных журналов и, в первую очередь, «Вестника Священного Синода», изыскание средств на издание собственного журнала: «Брянский Епархиальный Вестник».

4. Популяризация идей нового церковного движения с попутным опровержением идеологии тихоновщины.

5. Объединение духовенства и мирян епархии на основе Христианской любви и мира.

Первая задача.

Ликвидация тихоновщины. Бесспорна истина, что многие пастыри зашли в тупик. Непоняв сущности обновления церковной жизни, они отнеслись к нему отрицательно — с одной стороны, с другой, привыкшие к квиэтизму, духовной маниловщине, косности, лени, испугались его, как зовущего на серьезную пастырскую работу — экзамен, повели с ним борьбу, клевета на него. Теперь, когда клевета раскрыта, когда III Поместный Собор Российской Православной Церкви 1925 года с достаточной ясностью доказал на основании неоспоримых документов, что тихоновщина — контрреволюция, вразумившиеся пастыри не знают: как поступить, как выйти из мертвого круга тихоновщины, — облегчить путем сношения с приходской общиной выход таким пастырям из ложного положения. Упорствующие пастыри, клирики-тихоновцы, после Собора 1925 года, должны быть удалены со служб.

Деятельность в отношении к духовенству.

1. Стремление к тому, чтобы духовенство было трезвое, если не абсолютно, то воздержное. Пьяницам, алкоголикам нет и не

может быть места в рядах служителей церкви. Никаких упущений в этом отношении быть не может. Пьяницы-пастырь — посрамление Церкви, пагуба дела Божия.

2. Должна быть проповедь, как необходимая, составная часть богослужения, проповедь живая, проникновенная, с разъяснением сектанских, баптистских, евангелистских лжеучений.

3. Должно быть истовое совершение богослужения, таинств и треб, введение собеседований, общего церковного пения, где позволяют средства, хорового.

В отношении к приходским советам и старосте.

Церковно-приходский Совет должен быть избранным, а не самочинным, избирается на 1 год. В состав приходского Совета могут входить лица истинно-верующие, посещающие храм, Евхаристически объединяющиеся с приходским пастырем, как равно и церковный староста, избираемый на 3 года и утверждаемый Епархиальной Властью.

Церковным суммам — приходу и расходу должна вестись строгая отчетность по книгам, форма ведения которых указывается Епархиальным Управлением. Работу Ц. старосты ежемесячно контролирует ревизионная комиссия 3-х из состава приходской общины, а не Совета. Следить за тем, чтобы Церковь своевременно выплачивала добровольные взносы на Св. Синод, Епарх. Управление и Епископа. В приходских советах не может и не должно быть засилья кулацких элементов, — также — разбор недоразумений, возникающих в общинах, приходских советах, с церковными старостами, командировка на месте с представителем Епархиального Управления.

Состав мирянского объединения.

1. Членами его могут быть лица православного исповедания, обоюбого пола, начиная с 18-летнего возраста, неопороченные гражданским судом, причащающиеся Св. Тела и Крови Господних.

2. Количество членов не ограничено.

3. Члены устанавливают добровольный взнос на необходимые расходы.

4. Из своей среды выбирают Председателя, его товарища, 3-х членов, секретаря и казначея — это состав Правления.

5. Правление, в лице Председателя, или его заместителя и двух членов, присутствует в Пленарных заседаниях Епархиального Управления с правом совещательного голоса в вопросах, касающихся мирян, Приходских Советов, в вопросах по борьбе с тихоновщиной и религиозно-просветительных.

6. Территория деятельности — вся Брянская епархия. В члены мирянского объединения приглашаются верующие Брянской епархии, представители от всех церковно-приходских Советов; первоначальное ядро мирянского объединения в гор. Бежице, Брянской губернии.

Тихоновщина пает.

(Корреспонденция из Нижне-Ломова, Пензенск. епар.).

После III Всероссийского Церковного Собора в двух церквях города Н.-Ломова повелись беседы о деяниях этого Собора, с обстоятельным выяснением причин несостоявшегося мира церкви и всех церковных вопросов, пререкаемых тихоновцами. Простые верующие миряне, без различия церковного направления, с глубоким вниманием отнеслись к этим беседам, усердно их посещали, а священники-тихоновцы упорно молчали и своим посомым даже запрещали посещать эти беседы. Все церковные спорные вопросы ясно и обстоятельно были разъяснены, благодаря прекрасным статьям № № 2 и 3 «Вестника Священного Синода», в заключение всех бесед были прочитаны присланные из Синода «Деяния Собора».

Настроение простого верующего народа заметно изменяется в сторону правды Христовой, затемненной темнотою и ложью тихоновщины и ею забытой. Народные массы приходят в разум истины, совершается процесс сознания тихоновской неправоты, и выявляется настойчивое стремление самого народа к единению и миру. Таковое настроение сказалось в следующих фактах: а) городские тихоновские церковные Советы от своих священников требуют созыва собраний, для обсуждения причин разделения, и приглашения местного обновленческого епископа Иоанна на эти собрания для выяснения этих причин. Священники отказывают и в приходах началось брожение; б) прихожане городской Успенской

Церкви вместе с женского монастыря, которое представляет самое гнездо черной и закоренелой тихоновщины, в числе 200 душ, подали еп. Иоанну заявление за надлежащими подписями о желании их присоединиться к Священному Синоду, вошли с ним в каноническое общение и просят от него священника; в) в селе Кульшановке с инородческим населением (мордва) верующие, в количестве 300 душ отошли от тихоновщины, подали заявление о присоединении к Священному Синоду и регистрируют за собою храм. Ерожение и недовольство происходят и в других приходах уезда.

Молчавшая до сего времени тихоновщина воспрянула, в уезд направила монахов и монашек до 200 чел. для агитации, что Собора не было, что в Синоде сидит антихрист, а благочинные прибежали к чрезвычайным, несслыханным в истории церкви мерам разсылки по приходам уезда бумаг с угрозами ужасными.

В этой бумаге, благочинный, надо полагать с личного разрешения своего Епископа Филиппа, отлучает навсегда от Св. Тайн псаломщиков, переходящих в Синод, церковные Советы отлучает от Церкви, а верующих, пожелавших войти в каноническое общение с Синодом, предает анафеме. При этом делает распоряжение, пока идет брожение и организация прихода на сторону Свящ. Синода, о прекращении в храме богослужения и совершения всяких треб. В деле нарушения канонических правил дальше идти уже некуда.

В Вольске после Собора.

(Корреспонденция.)

Все — и духовенство и паства с напряженным вниманием выслушивают доклады о Деяниях Св. Собора. Трудящиеся обратились к еп. Михаилу с коллегияльной просьбой делать доклады о Деяниях Св. Собора по воскресеньям, после вечерни, когда они могут являться в часы отдыха в Собор и помолиться и выслушать доклады о Деяниях Св. Собора. Очень многие из тихоновского лагеря заявляли, что тихоновские верховоды заклинали их, вместе с их епископом Григорием Козыревым, не ходить на доклады антихриста, угрожая скорым «представлением света», но узнав со стороны о содержании докладов они пренебрегли и отвергли предупреждения тихоновских верховодов и пришли узнать всю правду...

Вообще интерес к Деяниям Св. Собора чрезвычайный. Получены еп. Михаилом многочисленные приглашения прибыть с докладом и из своих уездов и из соседних епархий. Радость усиливается

еще тем, что Собор 1925 года всеми признается каноничным и православным, всеми одобряется деятельность и Св. Синода и Св. Собора, слушатели уходят с докладов с полным удовлетворением, даже из многих сел приезжали многие делегаты с приглашением еп. Михаила на доклады. Настроение среди Синодальных Вольских духовенства и паствы заразительно превосходное, увлекающее за собою многих тихоновцев, полнейшее доверие и преклонение перед Св. Собором и совершенно иное отношение к злободневным вопросам.

Из уст всех и каждого теперь только и слышатся благопожелания Св. Синоду, как кормилу Церковного Корабля, твердою верою и бодрою рукой ведущему Церковный Корабль через житейские и тайные и явные рифы и камни к тихому и мирному пристанищу.

Переборщили.

(Из Вятки).

После Собора в Вятке и вятской епархии были сделаны обстоятельные доклады о современном церковном положении дел, о Соборе, его постановлениях и т. д. Народу везде присутствовало на этих докладах очень много и все выслушивалось с большим вниманием. Но «тихоновские батюшки» не желают ничего слушать.

Тихоновский епископ издал циркулярное распоряжение воспрещающее поминовение за богослужением Восточных Патриархов, как отступников от православной веры. Тихоновские батюшки получили это распоряжение и теперь не знают, что им делать, а прекратить поминовение боятся народа.

Верующие прозревают.

(Из Баку.)

Решения и постановления Свящ. Собора 1—10 октября 1925 года беспокойства и волнения в верующие народные массы не внесли. Объясняется это тем, что до сведения верующих еще до Собора было доведено, что представителями Церкви Синодальной сделано все к устроению церковного Мира, и не вина их в том, если староцерковнические верхи решительно отказались от всяких шагов на примирение. В частности, Митрополит Петр, уезжая на Собор, предупредил верующих, что при удивительном упорстве тихоновских руководителей пойти на примирение, едва ли достигнет его церковь и на Соборе. Вследствие этого, верующие неослепленные массы винят за продажающееся разделение руководителей староцерковнической иерархии. Попытки представителя этой

последней в гор. Баку, епископа Арсения, поднять свой авторитет не удачны. Хотя еп. Арсений и окружил себя выписанными из разных монастырей монахами и монахинями, устраивает по улицам шествия нововозведенного монаха во игумены и т. д., народные массы симпатий к ним не имеют. Зомцу и духовенство гор. Баку, верные заветам Свящ. Синода, твердо и неуклонно продолжают свою пастырскую работу по просвещению в духе истинной Церкви мирян и сплочению их около Свящ. Синода. Для сего от имени Митрополита Петра верующим разослано краткое воззвание, а духовенство объединено в дружной пастырско-проповеднической работе.

Постановления свердловского духовенства.

1-го декабря в гор. Свердловске происходило собрание благочинных Свердловской епархии, которое, заслушав доклады о деяниях III Поместного Собора, постановило:

1. Выразить преданность Священному Синоду, канонически избранному III Поместным Собором и признанному Вселенскими Патриархами.

2. Признать совершенно правильным постановление III Поместного Собора о так называемом староцерковничестве.

3. Признать истинным виновником продолжения раскола после III Поместного Собора главу староцерковников Митрополита

Петра Крутицкого, как отказавшегося принять участие в работах Собора и примирении церковном, выпустивши свое обращение, противное миру церковному.

4. Признать все обвинения со стороны староцерковников по адресу обновленцев в еретичестве чистейшим вымыслом.

5. Стремиться к достижению мира церковного чрез низшее духовенство и мирян, сохраняя догматы веры православной и все богослужение неизменными нерушимыми.

Тамбов на спраже обновления.

Пленум Тамбовского Еп. Совета вынес такую резолюцию: «Заслушав доклад Архиепископа Николая о Деяниях III Поместного Собора Р. П. Ц., Пленум ТЕС постановил:

1. Признать все постановления III Всероссийского Поместного Собора обязательными для обновленческого духовенства и мирян Тамбовской епархии.

2. Из докладов III Всероссийского Поместного Собора с несомненностью обнаруживается, что в то время как рядовое духовенство и верующие миряне страшно тягостятся внутренним расколом Церкви и жаждут взаимного мира и единения, вожди тихоновщины, наоборот, отвергли все исходившие не только от Священного Синода, но и от самого Вселенского Патриарха попытки к примирению; что главной причиной непримиримости тихоновских вождей к обновленцам служат не-какие-либо догматические или канонические отступления обновленческих деятелей, ибо таковых отступлений нет, а исключительно политические вождения тихоновских вождей—свергнуть в России Советскую Власть и возстановить монархический образ правления.

Поэтому Пленум приходит к твердому убеждению, что с вождями тихоновщины, как внутренними, так и заграничными, единения у православных верующих быть не может.

3. Церковные вожди тихоновщины свои тайные вождения не раскрывают пред теми, кто вверил себя их духовному водительству.

Отсюда Пленум делает вывод для обновленческих работников епархии: напрячь все силы к тому, чтобы раскрыть пред верующей массой подлинное лицо тихоновской первоерархии и привлечь эту массу в лоно Православной Церкви.

4. С этой целью Пленум поручает Е. Совету и УЦ Советам принять все доступные меры к осведомлению епархии о положении и состоянии Православной Церкви: 1) прежде всего издать воззвание к православным верующим епархии и распространить его по ц-пр. Советам; 2) провести уездные собрания духовенства и представителей от мирян обновленческого направления; 3) организовать с участием тихоновцев в каждом округе благочиннические собрания из клира и мирян; 4) по возможности провести по наиболее сильным тихоновским пунктам беседы, лекции или диспуты.

ВОЗЗВАНИЕ

ко всем православным христианам Тамбовской губернии.

Возлюбленные о Христе братие и сестры!

Любовь, мир и единение да будет среди всех вас.

Промыслу Божию было угодно, чтобы III Поместный Всероссийский Священный Собор Православных Церквей, озаряемый Духом Святым, совершился (1—10 октября с. г.). Многие весьма важное и необходимое сделал наш Собор для благоустройства церковного: он дал наилучшую организацию центральному и местному церковным управлениям; сделал историческое и каноническое обоснование Священного Синода; даровал автономию Всеукраинской братской нам православной церкви; уяснил необходимость и характер церковной дисциплины и духовного просвещения; указал на издательство книг церковно-религиозного, апологетического и душеполезного содержания, как наилучший способ распространения просвещения, и определил методы и средства для упрочения и развития издательства книг христианского характера; уяснил и доказал наше православие, которое так безцеремонно и неосновательно отвергают наши противники; выработал все необходимое для нашего участия на предстоящем Вселенском Соборе; продолжил и закрепил общение со Вселенской Церковью через письменное сношение с Константинопольским Патриархом Василием III. Но, к нашему великому сожалению и огорчению, не достиг наш Собор всеми истинно православными христианами страстно желанного восстановления любви, мира и единения с нашими родными братьями, детьми единой Св. Всероссийской Православной Церкви, староцерковниками-тихоновцами, о чем так тоскует наша грешная душа, чего так жаждало наше скорбное изболевшееся сердце. Однако, это случилось не по вине нашего Св. Собора.

Все его члены и в полном составе, и решительно каждый в отдельности, помня заповедь апостола: «если возможно, со своей стороны, будьте в мире со всеми людьми» (Римл. 12, 18) старались исчерпать все христианские средства для привлечения к миру и архиереев, и клириков, и мирян тихоновских, как образованных так и необразованных, но все было напрасно.

Мы здесь в Тамбове незадолго до Собора пять раз приглашали тихоновцев на собеседования; многие миряне откликнулись на наш зов и пришли к нам, а духовенство было глухо к нашему призыву и упорно молчало. Мы предлагали тихоновскому духовенству собраться на благочиннические собрания, обсудить спорные церковно-религиозные вопросы и выбрать там делегатов на епархиальный С'езд, а здесь—на Собор; откликнулись очень немногие. Мы во исполнение наказа Св. Синода, сделали предложение тихоновским архиереям войти в сношение с Св. Синодом и договориться об условиях их участия на Соборе—ответа с них стороны не последовало.

Так было во всех епархиях, так отнесся к тихоновцам Всеукраинский Собор, такой линии отношения к тихоновским верующим держался и наш Св. Синод.

Всеукраинский Собор, по свидетельству Архиепископа Изюмского Иосифа, посылал с тихоновским архиереям приглашающие письма — они были возвращены нераспечатанными; отправлял комиссии — их не принимали; шел на все уступки, которые могли бы предъявить тихоновцы,—тихоновские архиереи не желали объясняться.

Всероссийский Московский Св. Синод в продолжении всего нынешнего лета через своих членов вел предсоборные собеседования с Московским духовенством и тихоновскими мирянами и вызывал именующего себя местоблюстителем патриаршего престола м. Петра Крутицкого на объяснение по вопросам пререкаемым. Он долго молчал, а потом перед самым Собором издал воззвание, в котором без достаточно-серьезных оснований решительно запретил тихоновцам, и духовенству, и мирянам идти на наш Собор.

И нам, и украинцам и москвичам на вопрос, что тихоновцы считают у нас неприемлемым, сначала говорили, что мы еретики, безблагодатные, красные; а когда им с очевидностью доказали, что мы исповедуем непогрешительно все догматы, что преемство благодати хиротонии у нас безусловно сохранено, что наша церковь Христова, ибо мы утверждаем только то, чему учил Христос,

и отрицаем то, что запрещал Христос, а не красная, не советская, ибо у Советской Власти, как безрелигиозной, нет никакой церкви; тогда они стали указывать на постановления Собора 1923 г., как ими неприемлемые, как-то: женатый епископат, второбрачие духовенства, новый стиль, русский язык за богослужением. Им доказали исторически и канонически, что женатый епископат не новшество, а установление Самого Господа Иисуса Христа, св. апостолов и первых пяти Вселенских Соборов; что брак честен и ложе нескверно и во втором браке, и что второбрачие духовенства допускалось в Греческой Церкви в первые VII веков и в нашей Русской Церкви в XIII—XV в.в.; что стиль не есть догмат, а только житейское удобство; что русский язык может быть допущен при нашем православном христианском богослужении с таким же правом, как чувашский в христианском богослужении, чувашском, черемисский, — в черемисском, бурятский, — в бурятском и др., ибо Господь Иисус Христос заповедал апостолам учить все языки, все народы (Мф. 28, 19), конечно, на их языке, и для этого в день сошествия Св. Духа на апостолов даровал им дар языков (Деян. 2, 4, 6).

Не имея возможности отстоять свои позиции на основаниях богословских, исторических и канонических, тихоновцы стали искать себе защиту в молчании и в устраниении от собеседований и всяких встреч с обновленцами.

Все православные христиане и даже многие искренние и чистосердечные староцерковники-тихоновцы глубоко задумывались; в чем кроется нежелание тихоновцев притти к миру с обновленцами.

Ведь тихоновцы знают, что не имеющий любви—не христианин (Иоанн 13, 35), что мир и единение заповеданы Иисусом Христом (Иоанн 17, 21) и св. апостолами (1 Кор., 1, 10), что вне вселенской церкви нет спасения (Еф. 5, 23), что ненавидящий брата своего есть человекоубийца и на получение вечной жизни не имеет надежды (1 Иоанн 3, 15).

Знают, и все-таки не хотят любви, мира и единения со своими братьями по крови, по духу, по вероисповеданию.

Где же причина всему этому?

«Нет ничего тайного, что не было бы узвано» (Мф. 10, 26).

Люди ученые, многосведующие, на Соборе с очевидностью, документально доказали, что тихоновцы не желают мира с нами не по догматическим и каноническим причинам, а по политическим своим вождельствам. Оказалось, что тихоновские верхушки—и духовные, и светские, пребывающие здесь в России, и бежавшие во Францию, Англию, Америку и др. страны, все контр-революционеры, ибо все заняты одною мыслью—восстановить дореволюционный образ правления в России—монархический.

Отсюда понятно, что Собор 1923 г. им неприемлем, так как он признал социальную революцию справедливой, Советскую Власть законной, — «нет власти не от Бога» (Римл. 13, 1), патриаршество несвоевременным, соборное управление в церкви наилучшим.

Обновленцы признают Собор 1923 г. и считают его каноничным, и подчиняются его решениям—могут ли тихоновцы быть с ними в мире? Конечно, нет, ибо пути их различны—у обновленцев путь религиозно-нравственный, а у тихоновцев политический, контр-революционный.

Признают ли тихоновцы Собор 1925 г.? Разумеется нет, ибо он убедительно предостерегает всех православных христиан, что мечты и затеи тихоновцев могут привести церковь к грозным и ужасным последствиям, к чрезвычайным потрясениям.

По достаточном и всестороннем обсуждении, нынешний Собор пришел к заключению, что политическое направление есть дело тихоновских и внутренних и зарубежных верхов, что низшее малоосведомленное духовенство и мирянские низы, затуманенные, загипнотизированные их злоумышленными духовными вождями, к политике непричастны.

Св. Собор убежден, что с тихоновскими верхушками у обновленцев мира не может быть и бесплодны в этом направлении все старания; а низшее духовенство и малопросвещенные миряне, когда узнают истинную причину разногласия, как люди искренно верующие, поймут, что вранда—на стороне обновленцев, и тогда, оставивши своих неискренних вождей, плотно примкнут к обновленцам. Потому Собор решил, что мир с низами тихоновскими возможен, желателен, и к нему настойчиво, неуклонно, терпеливо и тактично нужно итти.

И мы в твердой надежде на восстановление мира и единения в православной нашей церкви, зовем всех православных христиан вкупе и каждого в отдельности всякими законными путями и средствами приводить тихоновцев к миру, помня, что «блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими» (Мф. 5, 9).

Обновленцы, не смущайтесь тем, что вас мало, а староцерковников больше—ведь грешников всегда больше, чем праведников, и неученых больше, чем ученых. Помните слово Господне св. апостолам: «не бойся малое стадо, ибо Отец ваш благоволил дать вам царство» (Лук. 12, 32). Обещание это точно исполнилось. Не скорбите и о том, что вы бедны, а тихоновцы богаче вас—за то «трудно имеющим богатство и надеющимся на него войти в Царствие Божие» (Мф. 10, 23—24). «В мире будете иметь скорбь, — сказал Господь, — но мужайтесь, я победил мир» (Иоанн 16, 33). «Только твердо держитесь здравого учения, которое вы слышали от нас, с верою и любовью в Господа Иисуса Христа» (2 Тим. 1, 3).

Возлюбленные наши о Христе братие и сестры!

От тихоновских, староцерковнических мечтаний, надежд и стремлений гибельных для веры и церкви, да «охранит Вас Господь своею благодатию» (Деян. 15, 11).

Бог мира, любви и христианского единения да будет со всеми вами ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Прочь от политики.

(Из Свердловска).

Заслушав отчет о работах III Поместного Церковного Собора в Москве в первых его четырех заседаниях и резолюцию Собора, вынесенную по докладу Митрополита Александра о современном положении православия, собрание градо-Свердловского благочиннического округа заявляет о полной своей солидарности с означенной резолюцией.

Действительно, с тихоновской иерархической верхушкой, как политической партией, Российская Православная Церковь не может иметь административно-церковного единения.

Поражаясь живучести монархических идей в верхушках тихоновщины, возмущаясь двойственностью ее политики, собрание умоляет приходские общины и духовенство Свердловской епархии, идейно связанных с этими погрешающими «верхушками», отмежеваться от них, решительно и бесповоротно встать на лояльную платформу Священного Синода и начать дружную и совместную работу по возрождению церковной жизни на основе декрета об отделении Церкви от Государства и на подлинных началах Святого Православия.

По пути Собора.

В заседании расширенного Пленума Пермского Е. У. (в количестве 28 человек) были заслушаны доклады делегатов от Пермской епархии Высокопреосвященного Архиепископа Сергия, протоиерея Ф. Долгих и протоиерея Н. Булыгина о Деяниях III-го Поместного Собора Российской Православной Церкви (1—10/х—1925 г.).

По заслушании названных докладов постановлено: выразить полное удовлетворение постановлениям Собора 1925 года, принять за долг прямо и неуклонно итти к осуществлению в жизни принципов поставленных Собором.

Ищут выхода.

(Из Владимира).

Во Владимирской епархии тихоновцы после Октябрьского Собора почувствовали себя совсем скверно. В среде их началось разложение. Не решаясь оставаться в лагере Петра Крутицкого, и в тоже время не имея решимости примкнуть и к Св. Синоду, часть тихоновцев стала затевать очередную «автокефалию».

В один прекрасный день на столбах улиц гор. Владимира появились печатные воззвания, за подписью бывшего члена Собора 1917—1918 г. архимандрита Александра Григорьева, свящ. Самойлова, мирян Хлебникова и Шитова, в которых верующие приглашались вступить в «союз автокефалистов», так как истины нет ни у тихоновцев, ни у обновленцев. Быв. патр. Тихон во многом погрешил, в чем и сам каялся, а его преемник Петр совсем не авторитетен и не популярен. Синод же, будто бы, вооружает против себя верующих (т.-е. тихоновствующих...). «Автокефалия», зазывают авторы воззвания, может примирить и объединить всех православных христиан.

Центр новых «автокефалистов» находится в г. Коврове, около старого соборного храма. Секрет «автокефалии» довольно прост. Поводом к этому послужили главным образом раздоры среди членов Тихоновской общины Старого Собора по хозяйственной и административно-церковной части и устройство К. В. У. лекций, собраний и докладов, на коих лекторы: В. Преосвященный Митрополит Александр Введенский, Архиепископ Георгий Дмитровский, Александр, б. Ковровский, и протоиерей Евгений Лавров указывали слушателям на не церковный, а политический, контр-революционный путь руководителей тихоновщины, что и заставило часть руководителей местной Тихоновской общины искать выхода из создавшегося положения. Мириться же с Ковровскими обновленцами они пока не нашли для себя возможным и удобным. И вот выход ими был найден: не подчиняться ни тихоновским архиереям, ни Синоду, а устроить свое самостоятельное «автокефальное» Управление. Духовным водителем этого течения они пригласили Архимандрита Александра Григорьева, б. настоятеля Боголюбова монастыря, ныне исполняющего пастырские обязанности при общине с. Петровского, Ковровского уезда. Получив еще летом сведения о рождении автокефального течения, Зам. Пред. К. В. У. и настоятель Собора обновленческого, протоиерей

Евгений Лавров, в первый же двенадцатый праздник с церковного амвона при большом стечении молящихся уяснил слушателям, среди которых были и тихоновцы, о несостоятельности и неприемлемости с церковно-канонической точки зрения нового автокефального течения. Затем в гор. Коврове, Архимандрит Александр Григорьев, читал в театре городском лекцию на тему: «что разделяет верующих и где выход». Оппонентом на лекции Архимандриту Александру выступил протоиерей Евгений Лавров, который в своей речи детально доказал о неприемлемости и несостоятельности автокефального течения. Архимандрит Александр так был удручен своим неудачным выступлением, что отказался от повторения этой лекции в г. Владимире и других, как это он предполагал сделать. Раздоры же среди членов тихоновской общины, упомянутые ранее, не прекращались, возникли они и среди духовенства. В Тихоновской общине оказалось два приходских совета. Один пошел по пути автокефалии, а другой остался верным Тихону—Петру Крутицкому. Совет автокефалистов стал вербовать себе от тихоновцев общину к старому же Собору, при этом пропагандировали, что, мол, это делается с благословения Митрополита Петра Крутицкого, наша вера самая старая,—со времен апостольских, древне-кафолическая и т. д. Потом мы устроим с'езд и организуем у себя Синод и управление, а у тихоновцев этого нет ничего и сделать они не могут. При тихоновской общине Старого Собора на еженедельных собраниях начался бой: кому владеть храмом. Автокефалисты заперли свечной ящик и ризницу, а тихоновцы приспособились торговать свечами на особом столике при входе. И верующие не знали где им брать свечу, так как тихоновцы свечу, купленную у автокефалистов, не давали ставить к иконам.

Духовенство Старого Собора почти все стоит в стороне и смотрит: «чья возьмет». Некоторые «старо-соборники», видя сильные раздоры в общине, заявляют о своей принадлежности к обновлению. Численность автокефалистов очень не велика, особенно сознательных. Нельзя считать, пожалуй, сознательным и неудачником Архимандрита Александра; он просто ищет архиерейства, не улынулось оно у него, ни у обновленцев, ни у тихоновцев, авось—у автокефалистов улыбнется.

Как видно автокефалия—плохой выход.

Обновление крепнет.

(Из Саратова).

Положение Синодальной Церкви в Саратовской епархии после Поместного Собора 1925 года до настоящего момента официально без перемен: количество храмов тихоновской ориентации не уменьшилось, а синодальной—не увеличилось. Общее же настроение верующих масс, не смотря на все неблагоприятные для обновленцев местные условия, весьма заметно улучшается в смысле доверия и сочувствия церковно-обновленцам. Разоблачение Собо-

ром 1925 г. антисоветской и антирелигиозной деятельности тихоновской иерархии производит на верующие массы весьма тяжелое впечатление и весьма также заметно ослабляет сочувствие к этой иерархии.

Тихоновское духовенство становится внешне менее озлобленным и агитацию с церковных амвонов почему-то заменяет более агитацией «шопотом и под ушко» отдельным лицам.

Отклики на Собор.

Из епархий продолжают поступать сведения, как отнеслись к постановлениям и деятельности Третьего Поместного Собора церковные деятели и верующие на местах.

В Череповце созванный после Собора с'езд благочинных вынес следующую решительную резолюцию:

«Заслушав доклады о деяниях III Всероссийского Поместного Собора 1925 г., с'езд благочинных Череповецкой епархии с полным вниманием принимает постановления Собора, как истинно-православное и авторитетное руководство к устроению жизни церковной. Голос Собора—голос высшего распорядителя жизни церковной. В Деяниях Собора с'езд с радостью усматривает тесное единение Православной Русской Церкви с Церковью Вселенской и послушание ей и видит в этом опору Православия. Теперь нам не страшны никакие обвинения в ересь и отступств. Деяния Собора для нас—очевидный документ, устанавливающий правду Р. П. Ц. и ложь всех сплетен, толков и наговоров, которые распространяют враги христианского единения. Не мирясь с людьми старых политических убеждений, Собор этим самым ограждает

Церковь от всяких подозрений со стороны существующей власти и этим обеспечивает спокойное существование Р. П. Ц. в новых условиях государственной жизни. В Деяниях Собора корпорация благочинных черпает новую энергию твердо, непоколебимо и честно стоять на святой страже Православной Российской Церкви, стремясь к примирению и единению всех верующих, искренно любящих Христа и Его Св. Церковь, а раздорников, раздирающих церковное единство, ради восстановления своего старого благополучия и имений, С'езд считает нравственным и служебным долгом вразумлять, раскрывая им всю гибель политиканства в Церкви. Твердо верим, что Господь, умудривший членов Собора проявить народу истину православия, укрепит и нас послужить Святому делу умиротворения и объединения Православной Российской Церкви».

Во исполнение практических предположений Собора в деле развития духовного просвещения Череповецкий с'езд постановил обязательно делать сборы на нужды богословского образования, выписывать для каждой церкви «Вестник Священного Синода»,

образовать благочиннические кружки или отделы с миссионерскою целью, организовать благочиннические библиотеки, устраивать по округам краткосрочные курсы или лекции.

В Тв е р и сведения о Соборе, опубликованные путем докладов архиепископа Игнатия, вызвали движение среди тихоновского духовенства. Начался видимый уклон в сторону Синода. Но этому уклону всячески противодействовал местный тихоновский митрополит Серафим (Александров). Он усердно ездил по епархии и всюду вел враждебную агитацию против обновленцев. В ноябре был созван епархиальный тихоновский с'езд. Синодальное Епархиальное Тверское Управление по этому случаю обратилось к тихоновскому духовенству еще раз с призывом прекратить распри, выпустив два воззвания:

«Для всякого верующего человека очевидно, — говорилось в одном воззвании, — что положение церкви в настоящее время весьма ненормально. Пала церковная дисциплина, и исчезла церковная организованность. Нарушена живая, идейная связь между епископатом и рядовым духовенством, а также между духовенством и народом. Глубокое церковное разделение между староцерковниками и обновленцами подтачивает и колеблет самые основания церкви. И все это прекрасно понимают обновленцы, которые вызывают к староцерковникам, убеждая их прекратить ожесточенную и слепую вражду. К прискорбию, староцерковники обнаруживают упорное непонимание всего того, что творится в церкви. Это, главным образом, относится к староцерковническим архиереям. Их до такой степени обуял дух гордости и ненависти, что они, во-первых, не стали признавать над собою и авторитета Вселенского Патриарха, а во-вторых, враждуют и между собою. Только что закончившийся III Поместный Собор в своих увещаниях к митрополиту Петру Крутицкому не достиг никаких положительных результатов. Когда м. Петру было пред'явлено послание Вселенского Патриарха Василия, призывающего староцерковников к миру, м. Петр заявил: «Надо еще проверить, православный ли это патриарх».

«Многие староцерковнические архиереи враждебны м. Петру. В Москве эти архиереи образовали из себя отдельную группу. По городам, как например в Казани, в Рыбинске, в Калуге, староцерковнические архиереи отмежевываются от м. Петра и существуют автономно.

«Во имя чего же и с какою целью поддерживается вся эта вражда? Неужели не ясна вся дикость и нелепость этого церковного разделения? Широкие народные массы уже достаточно убедились, что между староцерковниками и обновленцами нет ни малейшей разницы. Духовенство в душе сочувствует обновленцам. И только «верхушки» староцерковников — епископат — препятствует общецерковному объединению.

«Отцы и братья, довольно бессмысленной вражды!

«Пора, наконец, пожалеть православный народ. Ведь, чего ищет народ в Церкви? Он ищет в ней мира, успокоения, забвения от всех земных скорбей.

«А, мы, вместо этого, несем ему злобу и вражду. И уходит народ от нас — и от староцерковников, и от обновленцев.

«Да озарит же всех вас на предстоящем Епархиальном С'езде дух любви и мира во Христе Иисусе. И если Вам тяжела вся неопределенность вашего полулегального существования, если Вас томит невольное волнение за ваше будущее положение, — объединитесь с единственно-легальной высшей церковной властью, с Священным Синодом Православной Российской Церкви, который получил одобрение и благословение Вселенского Патриарха Василия.

«Поймите, что при новом государственном строе Церковь не может существовать в прежних условиях. Священный Синод Православной Российской Церкви, храня чистоту Православия, в тоже время выводит нашу церковь на единственно возможный и свободный путь ее прогрессивного развития».

В другом воззвании, выпущенном после открытия с'езда, Тверское Е. У. предлагало допустить на с'езд представителей Св. Синода и заслушать их, чтобы в духе мира обсудить церковное положение. Но тихоновцы уклонились от открытого собеседования. Вместо того, они на с'езде выработали воззвание к обновленцам, призывая их просто присоединиться к их «истинному православию». Когда синодальный архиеп. Игнатий пробовал посетить с'езд, ему вручили это воззвание, а от разговоров отклонились, «саботируя» присутствие обновленческого архиерея.

Однако, такое отношение к синодальной церкви далеко не разделялось всеми тихоновцами. Из данных Тверского Е. У. видно, что целый ряд тихоновских благочиннических собраний и некоторые уездные с'езды выработали резолюции о необходимости воссоединения с Св. Синодом; но на епархиальном с'езде эти резолюции положили под сукно. На с'езде верховодила небольшая кучка с митрополитом Серафимом во главе. А какого сорта эти верховоды, видно из характеристики местной тверской газеты, данной ею выбранному на с'езде тихоновскому епархиальному совету. Вот что пишет о составе совета «Тверская Правда»:

«Избраны в состав епарх. совета соответствующие лица: 1) прот. Куприянов В. П., член 3 госуд. думы, высланный после Октябрьской революции на 2 года из пределов губернии за контр-революцион. деятельность; в «делах» б. жандармского управл. есть донесение земского начальника о том, что прихожане с Выдропужска, воспрепятствовали протоиерею Куприянову «славить Христа» по крестьянским избам на том основании, что он состоит членом гос. думы, а они его туда не посылали; 2) мирянин Соколов А. И., высланный совместно с Куприяновым 3) баллотировался в члены епарх. совета бывш. дворянин и помещик Селенко, отказавшийся от служения «церкви Божией» ради сохранения участка земли; 4) кандидатами в члены совета избраны прот. Бенеманский, кандидат в члены учред. собр., высланный на 2 года совместно с Куприяновым; 5) мирянин Невский, быв. дворянин. Руководил епарх. собр. митрополит Серафим, находившийся под арестом за свою контр-рев. работу; и его «товарищ» прот. Бобров, причастный к контр-революционному выступлению ошашковцев во время из'ятия метрик из церквей».

Не удивительно, что при поддержке местной буржуазии тихоновцы могли ассигновать в распоряжение своего Епарх. Совета 25.000 руб.

И все-таки, тверская епархия, как пишут, склонна вся присоединиться к Св. Синоду, если бы тому не мешала диктатура м. Серафима.

В Каменске в декабре был созван епархиальный с'езд, который, заслушав доклад о Деяниях III Помест. Собора, вынес резолюцию следующего содержания:

«Из Деяний Собора выяснилось, что единство Церкви Божией не достигнуто, что протянутая рука мира и любви к заблудшим братьям-тихоновцам осталась висеть в воздухе, что тихоновщина признана Собором явлением не только церковным, но и политическим, что верхи тихоновщины по-прежнему под диктовку заграничной монархической церковной эмиграции ведут чуждую и вредную для церкви политическую игру, что подтверждено было на Соб. документальными данными. В своей же чисто церковной сущности тихоновщина есть проявление нарушения церковно-канонической дисциплины, своеволия и непослушания. Отделяясь от единства Церкви, тихоновцы в борьбе с защитниками сего единства, возглавляемыми Свящ. Синодом, пользуются неразумными средствами (ложь, клевета) и, отвергну соборное начало в Церкви, приняли антиканоничное (76 апост., 23 антиох.) завещание бывш. п. Тихона о наследовании архиерейской кафедры, церковной власти и т. п., тогда как Свящ. Синод, ставший на твердую чисто православно-церковную платформу, чуждую всякой политики, объединявший уже 15.000 общин, 17.000 духовенства и 200 епископов, признанный Восточными Патриархами (Мелетием, Григорием VII, Константином VI и Василием III), отстаивающий единственно законное соборное начало в церкви, вводит Церковь в нормальное русло. Собор 1925 года окончательно исправил, где оказалось нужным, ошибки прежних обновленческих деятелей в духе св. православия, а в некоторых больших вопросах (второбрачие клириков, женатые епископы, новый стиль), постановлено подчиниться окончательному их решению в будущем Вселенском Соборе. А потому признать, что все соборные акты, как речи, так и постановления, а также деятельность Св. Синода проникнуты строго церковным духом и указывают на ревность Членов Собора ко славе имени Божия, на твердое и неизменное хранение ими православия и горячую любовь их ко святой церкви. Тихоновский же раскол признать крайне вредным для православной церкви, к искоренению которого, согласно наказа Собора 1925 г., приложить чисто христианские средства, которые воссоединили бы заблудших братьев с единой спасающей церковью».